

К расцвету советской музыки!

С величайшим вниманием, с глубочайшей заинтересованностью следит наш народ за теми процессами, которые происходят в музыке после исторического постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадела».

С тех пор прошел почти год. Услышав ли наши композиторы высказательный и предостерегающий голос партии? Прошли ли они чувством высокой ответственности за свое творчество? Вот вопросы, на которые народ хочет слышать ответ не в декларациях и заверениях, а в самом творчестве композиторов.

Пленум Союза советских композиторов, недавно закончивший свою работу, подвел первые итоги. Более ста музыкальных произведений было прослушано и обсуждено на пленуме. Со всей ясностью обнаружилось огромное плодотворное значение постановления ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 года для судьбы советской музыки. Партия разглядела пути формализма, скрывавшие творческие силы наших музыкантов, — и результаты не замедлили сказаться. Создан ряд талантливых, значительных симфонических, хоровых, камерных произведений, отличающихся идейностью, ясным и выразительным музыкальным языком, близостью к народному музыкальному и песенному творчеству, верностью реалистическим традициям.

Окончательно развеян миф, согласно которому будто бы именно композитор формалистического направления обладают «секретами» высокого профессионального мастерства. Нет, в музыкальной науке, не в хаотическом нагромождении звуков, не в изощренных формальных выкрутасках подлинное мастерство, а во владении законами гармонии и мелодии, в умении передать слушателю глубокие думы и чувства, в высоком искусстве затрагивать лучшие струны человеческой души, в идейной и эстетической близости к народу. Только такая музыка может заслужить народную любовь и признание.

Лучшие произведения, исполнявшиеся на пленуме, еще в раз прелепестривали расцвет многонациональной советской культуры. В столице прозвучали напевы и мелодии, навеянные и вдохновленные народами России и Украины, Белорусии и Молдавии, народами, населяющими Закавказье, Среднюю Азию, Прибалтику. Среди наиболее удачных произведений следует отметить «Кантату о Родине» А. Арутюняна, «Кантату о Сталине» Э. Вярба, «Симфонические мугамы» Ф. Амброва, скрипичные концерты Д. Калбазевиуса и В. Дварнонаса (Литва), фортепианный концерт Т. Гасанова (Дагестан). Но все это лишь самые первые шаги на пути осуществления исторического решения ЦК ВКП(б) о музыке. Мы еще далеки от того изобилия первоклассной музыки во всех разнообразных жанрах и формах, которого закономерно требует народ. Недостатком показанным на пленуме произведений русских композиторов является слабая связь этих произведений с современным русским народным творчеством. Композиторы наши пока не решили задачи создания советской музыкальной классики, достойной великой сталинской эпохи.

Еще не пажито до конца одностороннее увлечение сложными формами инструментальной симфонической бетекстовой музыкой и пренебрежение к таким музыкальным жанрам, как опера, балет. Это крупнейший недостаток в развитии музыки. ЦК ВКП(б) в постановлении от 10 февраля 1948 года отметил, что «за последнее время не создано ни одной советской оперы, ставшей на уровне русской оперной классики». Положение с оперой и сейчас остается совершенно неблагоприятным. Единственная опера, написанная за последнее время и обсуждавшаяся на пленуме, — «Повесть о настоящем человеке» — С. Прокофьева является типичным репродуктом формализма. Очевидно, композитор не сле-

дал для себя выводов из исторического постановления партии и попрежнему остается на позициях модернистской, амелодичной музыки, не способной выразить духовный мир советского человека и лишь порождая большую патристическую тему.

Ряд произведений последнего времени свидетельствует о том, что многие композиторы, бывшие представителями формалистического, антинародного направления в музыке, поняли пагубность этого направления и стремятся стать на путь реалистического творчества (музыка Д. Шостаковича к фильму «Молодая гвардия» и А. Хачатуряна к фильму о Ленине, симфония на русские темы П. Мясковского, седьмой квартет В. Шебалина и др.). Однако творческая перестройка этих композиторов происходит медленно, еще далеко себя знают неизжитые элементы формализма. Как ни важна музыка к фильмам, народ ждет от композиторов более значительных доказательств их творческой перестройки, и прежде всего в том жанре, в котором они потеряли идейно-творческий край, — в создании оперных и программных симфонических произведений.

Живое чувство современности — непременное условие успехов наших композиторов. Эстетское любование музыкальной стариной, холодное стилизаторство в духе «Партино старого Кремля» Ю. Вирюкова не найдут отклика в душе современного советского слушателя. Это — тоже своего рода формалистическое извращение, ибо формализм проявляется не только в коверканьи музыкального языка, но и в равнодушии к музыкальному воплощению тем нашей действительности, в отсутствии живого творческого чувства нового.

Чувство нового, знание жизни и идеологическая вооруженность — залог творческих успехов. Творческие срывы отдельных композиторов во многом объясняются их идейно-теоретической отсталостью. Успехи нашего музыкального искусства во многом зависят от творческого содружества композиторов с писателями. Перед поэтами, авторами песен, ораторий, оперных либретто — большие и далекие еще не решенные задачи. Советские писатели делают с композиторами ответственность за то, что до сих пор не созданы значительные оперные произведения на современные темы.

Содружество музыкального искусства и литературы, являющееся славной и плодотворной традицией русской культуры, должно стать законом жизни наших писателей и композиторов. Следует признать, между тем, что писательская общественность проявляет доныне непонятное равнодушие к судьбам музыкального фронта. Одним из проявлений этого равнодушия является совершенно неудовлетворительная работа комиссии по драматургии Союза советских писателей в области драматургии музыкального театра. Нужно активизировать работу пленумом созданной в Союзе советских писателей секции драматургов музыкального театра. Следует сказать, что и Комитет по делам искусств и Союз советских композиторов не привлекают к решению задач, стоящих перед музыкой.

Не слышит народ голоса музыкальной критики. Она пассивна, она не направляет музыкальный процесс, не пролагает лучшие произведения советской музыки, не воспитывает эстетические вкусы масс. До сих пор критические статьи по вопросам музыки пишутся на зашифрованном, непонятном широкому кругу читателей языке. Критика явно отстает от требований жизни и задерживает рост нашего музыкального искусства.

В нашей стране созданы все условия для подлинного расцвета музыкального творчества. К новым успехам, товарищи композиторы! Положите на ноты музыку, которая неутомимо звучит в душе советских людей, окрыляя их мечты и вдохновляя их на подвиги, музыку борьбы, великую музыку коммунистических свершений! Пусть на весь мир прозвучит и останется в веках торжествующая песнь о героическом советском народе, песнь о Родине, о партии, о великом Сталине!

Лекции колхозников — Героев Социалистического Труда

КИЕВ. (Наш корр.). Президиум правления Украинского общества по распространению политических и научных знаний удовлетворил просьбу группы колхозников-практиков о принятии их в действительные члены общества.

Новаторы колхозного производства — Герои Социалистического Труда выступают в колхозах и совхозах с докладами о своем опыте борьбы за высокие урожаи и рекордные удои, читают лекции студентам средних и высших сельскохозяйственных учебных заведений.

Член общества — звеневой колхоза «Красный партизан» Днепровской области, лауреат Сталинской премии, Герой Социалистического труда М. Озерный

прочел для студентов Днепровского сельскохозяйственного института лекцию о выращивании рекордных урожаев кукурузы. Знатный доярка, Герой Социалистического Труда М. Савченко, надоявшая за одиннадцать месяцев прошлого года по 6.007 литров молока от каждой коровы, читает лекции в Мало-Историческом сельскохозяйственном техникуме. С докладами и лекциями в институтах, техникумах и колхозах выступают также Герои Социалистического Труда — звеневая колхоза имени XVII партсъезда Н. Кошкин и председатель колхоза «Згода» Е. Хижняк.

Среди действительных членов общества насчитывается сейчас 14 колхозников — Героев Социалистического Труда.

Памяти Христо Ботева

6 января в зале имени Чайковского состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения болгарского поэта и революционера Христо Ботева. Организаторы заседания — Союз советских писателей СССР, Славянский комитет СССР в Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

Зал заполнили писатели, ученые, деятели культуры и искусства, студенты Московских заводов, воины Советской Армии. Присутствовали главы и дипломатический состав посольств и миссий стран народной демократии.

В президиуме — академик Н. Державин, профессор Ф. Головинский, заведующий Балканским отделом Министерства иностранных дел СССР Е. Киселев, ответственный секретарь Славянского комитета СССР В. Мочалов, заместитель председателя правления ВОКС В. Яковлев, чрезвычайный и полномочный посол Болгарской народной республики в СССР г-н Н. Николов, писатели Н. Тихонов, Л. Леонов, И. Эрнбург, А. Софронюв, М. Шагин и другие.

Открытая беседа, академик Н. Державин охарактеризовал выдающегося болгарского поэта-революционера, как истинного друга великого русского народа.

С докладом «Болгарский пост-революционер Христо Ботев» выступил писатель А. Сурков.

— В ряду имен пламенных борцов за лучшую жизнь трудящихся, — сказал докладчик, — благодарная память человеческая навсегда сохранит светлое имя героического сына Болгарии, борца за ее национальное и социальное освобождение, ее пламенного поэта-трибуна Христо Ботева.

Склоняя головы перед светлой памятью великого поэта-революционера, мы шлем братский привет трудовому народу Болгарской народной республики и желаем ему все новых и новых успехов в упорной работе по построению социализма.

Чрезвычайный и полномочный посол Болгарской народной республики в СССР г-н Н. Николов поблагодарил от имени болгарского народа организатора чествования столетия со дня рождения Христо Ботева.

Свою речь Н. Николов закончил здравницей в честь советско-болгарской дружбы, в честь Советского Союза и его армии, в честь товарища И. В. Сталина.

Оркестр исполнил государственные гимны Болгарии и СССР.

Затем состоялся концерт, в котором участвовали болгарские и советские артисты.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 3 (2490)

Суббота, 8 января 1949 г.

Цена 40 к.

С ЭТИМ мириться нельзя!

1. Мне посчастливилось впервые попасть на Магнитку в год ее рождения. Первый поезд шел со скоростью верблюда. В иных местах шпалы были положены прямо на примитивный ковыль, они ходили под колесами, как клавиши. Напоследок поезд остановился у невзрачной телушки. В широких, почти квадратных дверях телушки была вырезана узенькая дверца, туда вела стремянка. На фронтоне вагона значилось: «Станция Магнитогорская».

Иные меня встретил солидный вокзал, работавший и суевидный вокзал большого города, а в местном вокзале нашел я фотографию паровоза «0В-1801», который первым пришел в Магнитогорск.

Мне довелось видеть рождение города, его детство, отрочество и юность, а сейчас я ходил по улицам совершеннолетнего города.

Магнитогорск назывался городом уже тогда, когда архитектура его была представлена только бараками и полотновыми накатами, когда он не имел еще ни одной добротной улицы и каменного дома. А современное свое Магнитогорск встретил многоэтажными зданиями, широкими проспектами, садами и бульварами. За последние годы город стал, в полном смысле этого слова, неузнаваем. За это время Магнитогорск, город-богатырь, рабочий и воин, стал столицей нашей металлургии. Здесь — крупнейший в Европе комбинат имени Сталина. Магнитка сыграла большую роль в трудные годы войны.

2. Первенцы города, чьиими метками открылся список уроженцев Магнитки, уже окончили в этом году средние школы, ремесленные училища.

Первые саженцы, хилые прутья, воткнувшие когда-то детям в жесткую и, как казалось, бесплодную почву пришкольных садов, уже налились зеленой силой. Шумят летом густыми крошами клеены и тополя.

И сам Магнитогорск — обжитой сотнями тысяч людей город, в котором ежедневно рождается тысяча маленьких граждан, город, который уверенно смотрит в будущее.

Цельные барачные поселки уже снесены с лица земли. Их обитатели переселились в добротные дома, подальше от заводского дыма, гаря, копоти, куда-нибудь на правый берег реки Урал или в поселок имени Максима Горького, где воздух пропечен сквозью зелеными сита садов.

Спусти три десятилетия после окончания войны с Германией, 1 июня 1945 года, поднялись стены первого индивидуального дома на правом берегу. А сейчас там, в поселке Крылова, — свыше тысячи домов. Десятки многоэтажных домов возникли на правом берегу. Город на правом берегу существует всего несколько лет, а в нем уже много тысяч жителей.

Весь правобережный город будет взят в зеленое кольцо. Под ошейкой леса, карагаи, тополя, березы, акации, рябины, приги, лоха, ясени будут цвести и плодоносить фруктовые сады и ягодники. Уже разбит сад на пятсот гектаров — мощный фруктово-ягодный цех Магнитогорского металлургического комбината.

Одновременно ширится озеленение и в старом, левобережном городе. Горком ВКП(б) и горсовет возглавили минувшей осенью энергичную деятельность жителей. Десятки тысяч деревьев и кустарников переселились из лесопитомников на улицы, площади, бульвары, поближе к цехам, в скверы и сады.

Магнитку ждет великодушное долголетие. С каждым годом будет умножаться слава столицы советской металлургии, будет расти число заводских труб, устремленных в дынное магнитогорское небо.

Вот почему Магнитогорск следует строить «на вырост». Иначе город-богатырь быстро обгонит архитекторов, работников коммунального хозяйства и торговлю, садоводов, строителей; богатырь вырастет из купей вчерашней одежды.

Между тем находятся люди и учреждения, которые равняются в своей работе не столько на завтрашний, сколько на вчерашний день. И мерки у них тоже вчерашние и позавчерашние, и масштабы, планы тоже безнадёжно устарели. Находятся люди и учреждения, которые до сих пор смотрят на Магнитогорск, как на город-временянку.

Речь идет о благоустройстве города-богатыря, о его удобствах, о его убранстве и чистотности.

Новый музей А. С. Пушкина

На днях Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР принял решение открыть в селе Большое Болдино (Горьковская область) музей Александра Сергеевича Пушкина.

В Болдино А. С. Пушкин работал над окончанием «Евгения Онегина», написал «Повести Белкина», «Историю села Горюхина», трагедии «Каменный гость», «Скупой рыцарь», «Мощарт и Сальери», «Пир во время чумы» и несколько лирических стихотворений.

Территория бывшей усадьбы Пушкиных и роца «Луначики» были объявлены в 1945 году государственным заповедником. Сейчас здесь проводится в порядок парк, разбиваются новые аллеи, расчищаются развалины старинного дома, связанные с историческим прошлым усадьбы. В одном из них и будет помещаться музей. Новый музей будет открыт к 150-летию со дня рождения великого поэта.

Евгений ВОРОБЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

го дома Д. Ф. Фальковский сам себе отправил открытку по новому адресу — не дошла!

4.

Главный архитектор Магнитогорска Михаил Николаевич Дудин энергично воюет со строителями, которые сдают дома в таком виде, что к ним нельзя подойти по тротуару. Есть еще у нас стройуправления-неряхи, которые питают отвращение к отделочным работам и страстно любят всякого рода недоделки. Бараков давно не строят, но понаки и привычки строителей этих баракосов оказались весьма живучими. Идет война и с «самостоятельными» застройщиками — заводами и частными лицами, которые хотят строить, не считаясь с генеральным планом города, где им заблагорассудится, так, как это было в голый стени, в первые годы существования Магнитки.

Есть один большой участок работы, до которого у архитектора руки еще не дошли. Впрочем, один, без помощи городских организаций, архитектор здесь сделать ничего не сумеет. Речь идет о «мембеле» города, о фонтанах, оградах, решетках, kiosках, фонарях, павильонах, рекламках, витринах, наконец о памятниках и мемориальных досках. Все они играют весьма существенную роль в убранстве города, оказывают большое влияние на его архитектурно-художественный облик. В Магнитогорске вся этой «мембеле» не уделяется пока должного внимания, она находится вне всякого художественного контроля.

Здесь уместно сказать прежде всего о художественном лите. Чугун совершенно не участвует в архитектурно-художественном оформлении столицы металлургии. Почему бы на металлургическом комбинате не наладить, хотя бы на правах цеха шпирпотреба, художественное литье? Огромны нужны скверам и бульварам, оград и решеток ждут деревья.

Кiosки для продажи вот, табачных изделий и всякой галантерейной мелочи не столько украшают улицы и площади Магнитогорска, сколько их обезобразят. Стрелочку трамвая переведи осенью на другой пост, и будка ее у рельсов осталась пустовать. Не успели будку сдвинуть, как на ней появилась вывеска: «Часовая мастерская при цехе Кировского райсовета», в будке уже сидел часовщик.

Кiosки, заборы, ворота, дома до сих пор окрашиваются «по усмотрению», в зависимости от вкуса управдома или наличия той или иной краски. Бульвары и скверы города бедны скамейками, урнами, вазами. На весь город — три фонтана. В городе нет общественных уборных, в городе всего два уличных туалета, в городе очень мало почтовых ящиков. Даже на почтамте, на междугородной телефонной станции, в вестибюле гостиницы нет телефона-автомата. В городе не найти чистильщика сапог, очень мало мастеров бытового обслуживания, почти нет дворников.

Хорошо, что в Магнитогорске есть проспект Маяковского — и это не бывшая Дворянская, Соборная или Николаевская улица, переименованная в связи с какой-нибудь датой или вне даты. Нет, эта улица со дня своего рождения названа именем великого поэта, — он предсказывает сияющее будущее города, которые родятся на наших глазах «из воли Урала, труда и энергии». На одном из поселков пересекается улица Александра Фалеева и улица Олега Кошевого — так встречается на перекрестке писатель со своим гербом.

Но вот стоило ли вводить в названиях громаднейшие производственные термины — Рудопромысловая улица, Смолоперогонная улица, Газопроводный переулок и т. д.? Эти названия никак не помогут человеку отдохнуть, не создадут ощущения уюта.

А к чему называть именем Кутузова три проезда и два переулка, или именем Пугачева — два проезда, улицу и два переулка? Все это в равной степени относится и к названиям поселков — Новокорпусный, Старокорпусный и др.

Иные улицы так и не дождались своих «крестин» и именуются Шпротная, Диагональная и т. д.

Путаница с адресами и почтовая неразбериха не устранены до сих пор. Тысячи писем не попадают в руки адресатов из-за неразличности в наименованиях поселков, улиц и номеров домов. До сих пор в городе не только говорят, но и пишут адреса. До сих пор в городе имеют хождение такие адреса: «Квартал 7а, дом 4» или «2-й квартал, 1-й северный дом». Вы блуждаете между домов этого самого второго квартала, как по темному лабиринту, и цифровая неразбериха шагает вместе с вами бок о бок. Даже точный адрес здесь — понятие весьма приблизительное. Почему до сих пор скрывается под псевдонимом? Прямо не поселок, а уравнище с четырехэтажными неизвестными!

Недавно этот 1-й северный дом получил нормальный человеческий адрес — Пушкинский проспект, № 12. Житель этого

дворца — вот наш главный дворник, — говорят здесь с горькой иронией. А как украсили бы площади, скверы и улицы Магнитогорска монументальные скульптуры, доски почета и мемориальные доски, которые увековечили бы исторические события и имена великих людей. Хочется увидеть мемориальную доску на здании клуба трудовых резервов (бывший Дом инженерно-технических работников). В этом доме выступал Орджоникидзе. Гражданин Магнитогорска хочет увидеть памятники доблестному рыцарю большевистской индустриализации Григорию Колосовичу Орджоникидзе; Ивану Владимировичу Мичурину, оказавшему своим советами неоценимую помощь в оселении города; Владимиру Владимировичу Маяковскому, который верил в то, что город будет, и знал, что саду цвести; Василию Ивановичу Чапаеву, утонувшему в реке Урал; Емельяну Ивановичу Пугачеву, который когда-то взял штурмом стоящую на месте нынешнего пруда Магнитку крепость.

Мы не берем на себя задачу перечислять подряд все изъятия и пробелы городского благоустройства, которые почта превращаются в неблагоустройство. Но мы хотим полным голосом сказать о нуждах и требованиях столицы советской металлургии, растущего города-богатыря.

Речь идет об ответственности за настоящее и будущее города. Новоселы и старожилы Магнитогорска стремятся увидеть его благоустроенным, опрятным, ярким, красивым. И нужно стать на уровень растущих требований граждан молодого города.

МАГНИТОГОРСК.

Почин Сормовских инженеров — всем предприятиям

Недавно инженеры Сормовского завода им. А. А. Жданова гг. А. Кузнецова и А. Чадулина взяли шефство над рабочими, которым они помогают повысить технические знания и быстрее освоить новейшую технику. Об этом почине рассказано в «Литературной газете» (см. № 98 от 1948 г.). Патристическое начинание гг. Кузнецова и Чадулина быстро распространилось по всему заводу. Ныне, через три месяца, уже более 300 инженеров и техников завода шефствует над 600 рабочими.

Ценный опыт уже дал свои результаты. Так, бригада формовщиков Камаева, над которой шефствует технолог Якунин, заметно подняла свою выработку. На участке Колосова, где занятия с бригадой проводит инженер Чуркин, сейчас нет ни одного, не выполняющего норм выработки. В судебно-техническом цехе № 2 технологи Киселев и Скребок взяли шефство над не выполняющими нормы выработки молодыми рабочими. Ныне эти рабочие выполняют нормы на 130 процентов.

Таких фактов на заводе сотни. Министр транспортного машиностроения И. И. Носенко направил специальное письмо всем директорам и главным инженерам заводов. В письме отмечается большая помощь, оказанная специалистами завода «Красное Сормово» рабочим; инженерно-технические работники этого завода уже переходят от шефства над отдельными рабочими к шефству над бригадами.

Далее в письме указывается, что опыт инженеров завода «Красное Сормово» нашел распространение на ряде других предприятий министерства. Так, на Коломенском заводе 170 технологов и конструкторов взяли шефство над 312 рабочими. Инженеры и техники Лянозовского вагоностроительного завода обязались обучить без отрыва от производства 500 рабочих. Подобные же обязательства взяли на себя инженеры Московского тормозного завода, завода им. Орджоникидзе и других предприятий.

В письме говорится, что Министерство транспортного машиностроения придает исключительное значение инициативе сормовских инженеров. Всем предприятиям предложено созвать широкие собрания инженеров и техников, на которых обсудить опыт завода «Красное Сормово».

По сасдам выступлений «Литературной газеты»

«И ЗДЕСЬ НУЖНО ВДОХНОВЕНИЕ»

письмо министра инкусов промышленности СССР

13 ноября 1948 г. в «Литературной газете» была напечатана статья писателя П. Павленко «И здесь нужно вдохновение».

В письме в редакцию «Литературной газеты» министр вкусовой промышленности СССР тов. П. Проуин отмечает, что в статье правильно и своевременно указано на отставание и недостатки в работах по механизации труда на виноградарствах.

Названные в статье тов. Павленко машины и орудия, разработанные отделом механизации института «Магарач», — виноградный паук «ПВ-1, 7», горный плуг-культиватор «ПГК-1,0», авиационная ледка «ЛД» и электробур для пробки шурфов при взрывном пластаже — решением секции по механизации виноградарства культуры при техническом Совете Министерства сельского хозяйства СССР от 4 декабря 1948 года рекомендованы к массовому и сорному производству.

По Министерству вкусовой промышленности издан приказ об оказании помощи институту «Магарач» и улучшении работы отдела механизации института.

«ИНСТИТУТ, ПРЕДПРИЯТИЕ, МИНИСТЕРСТВО»

20 ноября 1948 г. в «Литературной газете» была опубликована статья бригады Союза советских писателей и «Литературной газеты» о работе Центрального научно-исследовательского института бумаги (ЦНИИБ).

Заместитель министра лесной и бумажной промышленности А. Писевский сообщил редакции, что в министерстве было создано специальное совещание, на котором обсуждалась деятельность института.

Совещание отметило, что на основе работ института промышленностью освоена производство специальных сортов бумаги и картона для нужд народного хозяйства.

Парад с этим ряд работ института медленно используется промышленностью. В значительной мере это объясняется, как правильно отмечено в статье, недооценкой значения внедрения новой техники в жизнь со стороны части работников промышленности, в том числе и работников аппарата министерства; недостаточной самостоятельностью работников института в борьбе за внедрение своих работ; отсутствием у института своей производственной базы.

Для устранения этих недостатков издан по министерству приказ, координирующий деятельность института, технического управления министерства и главных производственных управлений в деле внедрения работ института в промышленность. Составлен перспективный план внедрения на предприятиях неслужающей бумажной промышленности новой техники. В 1949 году выделяется 4 миллиона рублей для создания на одной из бумажных фабрик опытно-производственной базы института.

Одновременно министерство наметило ряд мер по улучшению информации работников промышленности о работах ЦНИИБ.

Директор института С. Пузырев, секретарь партбюро В. Шаумов и председатель месткома А. Петров в своем письме сообщают редакции, что статья была обсуждена на заседании партийного бюро, на партийном собрании и общем собрании сотрудников института. Было отмечено, что выступление «Литературной газеты» правильно указало на недостатки в работе института.

Для более широкой информации о работах института решено в первом квартале 1949 года провести два семинара с главными инженерами крупных предприятий, ознакомить их с новостями техники и работами института.

Разработан план работы института на 1949 год, который предусматривает актуальную тематику и оказание помощи предприятиям.

Научные Грамматики языков народов СССР

Первые экземпляры научной грамматики башкирского языка получены на днях из типографии в московском отделении Института языка и мышления им. Н. Я. Марья Академии наук СССР. Грамматику составил член-корреспондент Академии наук Н. Дмитриев. Это — первое научное описание литературного языка башкирского народа.

Создание научных грамматик языков народов СССР — одна из основных задач Института языка и мышления. Работа эта имеет большое значение для дальнейшего развития культуры народов нашей страны. Вскоре выйдет в свет грамматика кабардинского языка, составленная доктором филологических наук Н. Яковлевым. В пе-

чать сдана научная грамматика современного армянского литературного языка.

Сотрудники московского отделения института закончили также составление первой грамматической описаний абазинского, табасаранского, талышского и современного монгольского языков. В 1949 году будет продолжена работа над сравнительной грамматикой тюркских языков, в которой будет изложено их последовательно-историческое развитие. Подобное исследование предприятия впервые.

Создается сравнительная грамматика казахских афетических языков. Первый труд в этой области «Материалы по сравнительной грамматике афетических языков Дагестана» будет закончен в 1949 году.

Школьник должен учиться

Случалось ли вам проходить поздно вечером мимо школы? В окнах ее горит свет, хотя уроки давно уже кончились. Что делают дети в столь поздний час?

На этот вопрос органы народного образования отвечают: занимаются внеклассной работой.

А если вы, например, зайдете на огонек в семилетнюю мужскую школу № 3 г. Ярославля, то директор ее Александр Петрович Смирнов даже с гордостью развернет перед вами большущий расчерченный и раскрашенный плакат: «Схема внеклассной и внеурочной работы на 1948/49 год». Вот это схема! Такой схеме поавторствовал отдел пропаганды иного райкома партии — так она обильна и так в ней все предусмотрено. Тут и 11 тематических вечеров, посвященных Чапаеву, Герою Советского Союза Юрию Смирнову, Пушкину, Грибоедову, Ганне, Чапаеву, фотополку Макарову, актеру Волкову, Мичурину, Чапаеву; тут и репетиции, следующие одна за другой за счет уроков и отведенного для приготовления уроков и детского сна; тут и вечера, беседы и уговоры, посвященные всем праздникам и датам революционного календаря; встречи с воинами Советской Армии, учеными, стахановцами; коллективный просмотр фильмов и выходы в театры с последующим обсуждением спектаклей, вечера массовой песни, новгородная елка, участие в смотре школьной художественной самодеятельности, доклады по вопросам литературы, искусства, на научно-популярные, общественно-политические и антиреакционные темы. В схеме предусмотрена работа 12 кружков с общим числом членов этих кружков в 370 человек!

Однако этим не довольствовались в школе № 3. «В целях более углубленной работы», — читаем мы далее в «поисениях», — на основе существующих кружков создаются общества: а) «Юный писатель» и б) «Юный художник», а также секция «Любознательных ребят».

Прибавьте к этому читательские конференции, четыре секции юных натуралистов, экскурсия и походы согласно разработанным темам и маршрутам, издание стенгазет, подготовку и сдачу норм на значки ГТО и БСГО, спортивные соревнования, лыжные вылазки, участие в комсомольских кроссах, «общественно-полезную работу», предусматривающую использование концертов для родителей, шефство над детдомом и госпиталем, и многое другое, — и вы уже твердо придете к выводу, что педагоги школы № 3, копируя общественную жизнь взрослых, явно потеряли чувство меры...

Пониманию, это начинают понимать и сами творцы этой схемы. Когда вы выражаете свое удивление столь обильной внеклассной и внеурочной работой, директор школы показывает специальную выписку из недавнего решения педагогического совета школы № 3, как в зеркале, видно все то же непонимание простой истины: школьник — не взрослый...

За день до посещения школы № 3 я побывал в школе № 33, где познакомился с учеником 9-го класса Альбертом Трофимовым. В последнее время он стал хуже учиться.

«Нехатает времени на уроки!» — объясняет Альберт. — Мне, как активисту, дают очень много поручений. Комитет комсомола обзавел меня вышукать школьную газету. Должна быть редколлегия, но ее не существует. Приходится все делать самому. Газету я делаю на уроках и еще вечерами остаюсь в школе на час-другой. Ребята сторонятся этой рабо-

И АРАНИЧЕВ,

специальный корреспондент «Литературной газеты»

ты... жадуете мальчиш. Ты исполняешь все поручения, а другие стоят, сложа руки, и смотрят. А ведь они тоже комсомольцы! Вот сегодня новое задание — писать плакат о Пушкине к Пушкинскому вечеру. Опять один делать буду...

Любопытный штрих: мать этого активиста Татьяна Александровна Трофимова как раз и заведует учебной частью школы № 3, с которой мы начали наш рассказ.

— Разве вы не чувствуете, к чему приводит чрезмерные «нагрузки» на примере собственного сына? — спросил я ее.

— Ничего плохого не вижу, — отвечала она к нашему немалому удивлению. Впрочем, разве можно ответить иначе, когда сам являешься автором «схем», вроде приведенной нами...

Альберт Трофимов в школе № 33 не одинок. Георгий Гусев, ученик 10-го класса этой же школы, пришел ко мне смущенный и невольный.

— Простите меня, — признался он, — вчера, когда мы говорили с вами в кабинете директора Ворона шпоровер, я сказал неправду: у меня есть двойка по немецкому языку...

Почему же юноша утнул это? Потому, что если об этой двойке узнают во Дворце пионеров, ему запретят заниматься в радиокружке. А он увлекается радио. Что же касается школы, то там, может быть, и не знают, что Георгий, несмотря на пошатнувшиеся школьные свои дела, продолжает посещать дворцы. Более того, когда задевает школьнику несколько вопросов, убеждаешься, что в школе эту страсть используют весьма своеобразно. Его назначили... руководителем радиокружка.

— Я всегда учился ровно, — поясняет Георгий. — А в этом году пошатнулся. Мне бы подтянуться, а я занят кружками. Руководю двумя кружками — радио и фото. Из-за этих кружков некогда уроки делать. А учиться в 10-м классе очень трудно. Каждый день контрольные работы. Четверг — по истории: от первых дней февральской революции до завоевания власти в Октябре. Пятница — в ней надо серьезно готовиться. В пятницу — контрольная по химии, почти весь курс. Суббота — по физике: тепловые действия тока с использованием всего, что раньше проходили. Понедельник — контрольная работа по роману «Мать» Горького; преподаватель предупредил, что нужно сопоставить образ Павла с образом Данко, так что подтянуть придется порядком. Вторник — контрольная работа по немецкому языку... Алгебра, черчение... Каждая минута дорога! А у меня — нагрузки...

Иван Васильевский учится в одном классе с Георгием.

— Учусь хорошо, — говорит он, — общественной работой люблю заниматься. Ну, вот меня и «нагружают». А совет не позволяет отказываться... Устройство вечеров, например, на мне лежит. Подготовка, репетиция, но знаешь, когда и уроки готовить. Кроме того, под руководством преподавателя географии делаем для школы географические макеты. Почему-то их только мне поручают. Недавно делал я географический макет «Волга». Мне в каждый макет приходится делать недели две. Часов по шесть в неделю...

Так, оказывается, что в школе № 33 вся тяжесть «нагрузок» падает на небольшую группу «активистов». Это — Мильто, Васильевский, Кузнецов, Гусев, Жулин, еще два-три ученика.

Школа нещадно эксплуатирует их простоту к общественной работе, вместо того чтобы вовлечь в нее всю массу школьников.

По этому вопросу ЦК ВЛКСМ принял специальное постановление, в котором осудил неправильную практику директоров школ и классных руководителей, перегружающих школьников учебными заданиями в ущерб учебно-воспитательной рабо-

те школы, и призвал партийные, советские, комсомольские и другие общественные организации принять все меры к прекращению такой практики.

Откуда пошла эта практика? Директор школы Александр Степанович Колобков не сразу отвечает на этот вопрос.

— Учителя не удавливают наклонности детей. Вот почему перегружены одни и не загружены другие. Мы, например, все классы видим одинаково. А разве они одинаковы? Шаблон!.. Я много думаю об этом. И прихожу к выводу, что облик классного руководителя, его авторитет, права и обязанности недостаточно четко очерчены. До сих пор толчется Министерство просвещения в этом вопросе на одном месте и ничего не может решить. Не поднят у нас классный руководитель на должную высоту. Мало мы его учим, мало! Не все ладно и по части комсомола. В комсомольской работе тоже нет должной дифференциации. Райком созывает семинары, на которых встречаются группы предприятий, школ, учреждений, артелей. Обсуждаются вопросы соревнования. Но в школе ведь нет соревнования. Школьным комсомольским работникам такие семинары и совещания дают мало, их интересуют вопросы учебы. Почему бы не устраивать для школьных комсомольцев особые семинары? В том, что почетные общественные обязанности часто превращаются у нас в непосильную «нагрузку», повинны и мы, педагоги, и комсомольские работники.

«Формализм» — это застарелое зло нашей школы», — выразился в одной из своих недавних статей министр просвещения РСФСР А. Вознесенский. Министр имел в виду обучение. Нам кажется, этот формализм живуч и в поставке внеклассной работы. На уроке, на материале преподаваемого предмета, вот где, главным образом, преподаватель должен формировать мировоззрение школьника, а не надеяться целиком на «схемы», подобные той, как составлена в школе № 3 г. Ярославля и в результате которой дети перегружены общественной работой в ущерб их обучению и здоровью.

В силу такого формального и непрофессионального подхода к внеклассной работе остаются без педагогического влияния и те школьники, которые увлекаются сверх меры спортом. Лев Курашев, ученик школы № 33, член добровольного спортивного общества «Спартак», является чемпионом общества среди юношей. Однако чрезмерное увлечение спортом привело его к трем двойкам...

Неуспеваемость пухлых заядлых спортсменов начинается все серьезнее тревожить также и педагогов города Кирова. Один спортсмен остался в 9-м классе на второй год. Причина — задержка поездками на соревнования в другие города. Юра Холдырев, ученик 9-го класса 14-й школы, учился всегда хорошо. Сейчас же, в результате нежелания контролировать увлечения спортом, стал учиться плохо...

Целый ряд видных спортсменов-школьников г. Кирова не успевает по пяти-шести предметам...

В чем тут беда?

До войны в Кирове имелось добровольное спортивное общество школьников «Смена», которое находилось под постоянным педагогическим воздействием школы. Но его почему-то ликвидировали. Не правдивые были бы, — спрашивает Кировские педагоги, — возродить это общество и воспринять школьникам вступать в добровольные спортивные общества взрослых?

...С какой бы стороны мы ни подошли к этой острой проблеме, вывод напрашивается все тот же: детство есть детство, и когда дети заставляются без меры играть во взрослых, ничего хорошего от этого получиться не может. С простым копированием работы взрослых нужно покончить. Подмена подлинного коммунистического воспитания наших детей вовлечением их в общественную и всякую иную работу в непосильных для них и надуманных формах — зло, которое решительно осуждает наша советская общественность.

ЯРОСЛАВЛЬ — КИРОВ.

Георгий ГУЛИА ЭВКАЛИПТ

Я люблю это дерево. Его нельзя не любить. Почему? Судите сами: в землю сажают травинку (так кажется на первый взгляд), однако, вам говорят, что это вовсе не травинка, а будущее дерево... Дерево? Когда же оно подрастет? — невольно спрашиваете вы себя. Но проходит несколько месяцев, и осенью — это уже дерево с человеческим ростом; с этой поры оно растет, что называется, не по дням, а по часам. Через год дерево превращается в высокое, многометровое, стройное дерево. В течение пяти лет оно достигает высоты десяти и более метров...

Так, буквально на глазах, растет и крепнет одно из ценнейших растений субтропиков — эвкалипт.

Чрезвычайно быстрый рост его играет большую роль в интенсивном лесоводстве. Двадцатилетние эвкалипты дают восемьсот кубометров древесины с одного гектара. Другие лесные породы могут дать половину этого только через сто — сто двадцать лет, а дуб или бук — через двести пятьдесят лет! Таково огромное практическое значение эвкалипта.

Но это не все. По качеству и крепости древесины эвкалипта стоит выше дуба, она легче сосны, не подвергается гниению, не коробится при сушке. Значит, есть прямой смысл использовать ее для железнодорожных шпал, мостовых свай, телеграфных столбов, в судостроении. Из эвкалиптовой древесины изготавливаются части для машин, прекрасная мебель и паркет.

Но и это не все. За эвкалиптом установлено прозвище «дерево-нос», ибо оно, словно нос, выводит влагу из почвы. Один миллион ведер воды в год — это количество влаги, которое испаряет один гектар полновозрастных эвкалиптов. В Грузии насаждения эвкалиптов давно применяются для осушения заболоченных мест.

Есть еще замечательная особенность эвкалипта: из его листьев получается несколько видов эфирных масел. Одно масла идет в медицину — из них изготавливают многие лекарства; другое являются лучшими растворителями лаков и янтара; третий идет в пищевую, парфюмерную и мыловаренную промышленность. Сухая перегонка древесины дает спирт, стили. Кора содержит прекрасный дубитель для кожи.

До сих пор эвкалипты у нас разводились, главным образом, в Грузии. В нынешнем году эта культура, по решению Совета Министров СССР, высаживается в Крыму, в южных районах Украины, Азербайджана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Краснодарского края, Молдавии и Дагестана. К началу 1952 года будет высажено около восьми миллионов корневых эвкалиптов!

Кроме практической ценности, есть в эвкалипте, в этом могучем растении, особенная прелесть, заложенная в его стремительном росте, в вечно зеленой кудрявой листве, в аромате, который он струит и днем и ночью.

Эвкалипт выбирается на обширные пространства юга нашей Родины. Волею партии и народа, волею Сталина он украсит новые земли. Не сомневайтесь в том, что этому славному созданию природы везде будет оказана достойная встреча.

ФЕЛЬЕТОН

Последние из племени толкачей

Стхановцы Горьковского автозавода справедливо возмущены картиной, которую они из года в год видят у ворот своего завода.

Стая толкачей, размахивающих разноцветными и разнокалиберными замужками, пытается пропихнуть в заводоуправление, в технические отделы, даже к конвейеру.

Толкачи скопом спуют, наседают, штурмуют... Какая нестерпимая толпа! Какая смесь одежд и лиц!

Среди них преобладают различные молодые люди, рано обильшие на тернистом пути толкачества. Толкачи этого сорта оснащены многозамочными блиндированными чемоданами из боксовой кожи. Там обычно хранятся образцы заманчивой продукции ведомства, которое представляет толкач.

Встречаются здесь и пожилые яды в добротных кожаных, с вышитыми узорами. Толкач этого типа не столько напирал на важность своего учреждения, сколько пытается попросту раздразнить слушателя тем, что ему, мол, голову оторвут, если он вернется без машины.

Подаются толкачи, которые даже и не пытаются убеждать, жаловаться, доказывать. Они добросовестно изо дня в день топчутся в отделе сбыта и, краснея, прятаясь за спины своих напористых коллег. Это происходит не столько от застенчивости, сколько от того, что люди эти, как говорят на заводе, еще не потеряли совесть. Они сознают бесполезность своей миссии. В минуты откровенности они даже готовы признаться, что им до смерти надоел горьковский толкаческий хлеб и если бы не категорическое повеление сурового начальства, они ни за что не пошли бы по этой скользкой стезе.

Долы исты в этих показных есть: толкачи, действительно, прежде всего — исполнители воли своего непосредственного начальства. Может быть, скажем, толкач из Еревана Айромельян в душе — завзятый турист и давно мечтал о путешествии на Волгу. Однако не по собственному же выбору и, главное, не за собственным счет совершил он переход от Севана к Волге. Нет, это обветшал терпением увидеть себя в сияющем кузове лодки порочальной машины митстер мясо-молочной промышленности Армянской ССР ему приказал: «Сидите сколько угодно в Горьком, но без машины не возвращайтесь!» Выполнила, правда, только первая часть министерского директивы, но Айромельян рассуждает так: «Министру виднее. Его знает, может быть, и впрямь судьба моего гологолого мясо-молочного скота системы министерства зависит от регулярных обзоров исполнительного Айромельяна в Горьковском ресторане.

Трудно также поверить, что только жалкая дюжина странствий заставила некоего Милованова совершить восьмидневное путешествие с Алята на Волгу. По ему так приказал директор Горьковской драматической труппы. Может быть, от этого зависит развитие драматического искусства на всей Алтайской возвышенности. Искусство, как известно, требует жертв. И Милованов приписит эту искидательную жертву.

Много есть разновидностей толкачей. Всех их роднит одно и то же плачевный результат: никого и ничего подтолкнуть на заводе не могут. Даже автомобиль, уже вышедший из заводского двора, и тот толкачу не удается подтолкнуть: сопротивление машин поверено специальным государственным организациям. И толкачу остается только занять мягкое место в скором поезде и удивлять своих слушателей точным описанием меню горьковских ресторанов, где он, выражаясь по-автономно, заправлялся.

По возвращении к родным пенатам, он не окупится на арабские сказки о своих победах в единоборстве с самим директором Горьковского автозавода тов. Хазановым.

Покажу, директор Горьковской драматической труппы поверит, что авто-

машина отгружена ему не потому, что это предусмотрено планом, а только лишь потому, что его толкач Милованов, воспетый на лучших традициях классического актерской школы, сумел своим трагическим талантом потрясти сердце товарища Хазанова. И, может быть, из близки проследить чертвым начальником, руководителем горьковской труппы Мельпоме-ны спешно получает глаббуу изыскать средства для премированной самоотверженного Милованова.

Возможно, кое-кто из руководящих работников Главрайформера или Главстрактажа, вышедших недавно автомашины на Горького, готов поспорить умышленно хихикая о своем тымчака, что дело решит. мол, образцы продукции, которыми был начинен его портфель.

Действительно, толкач возил с собой в Горький фирменные чулки «скапора» и изальные шерстяные перчатки последнего фасона. Наверное, этот оборотистый малый нашел по все-таки применение. Не пренебрег ли он их в качестве свадебного подарка своему коллеге, который недавно вывел из Горького вместо машины молодую жену? Этот брак, кстати, нельзя назвать легкомысленным и необдуманным. Женителю толкач прибыл в Горьком ровно столько времени, сколько нужно было, чтобы молодые познакомились, приспособились друг к другу и пришли к счастливому выводу, что они созданы для совместной семейной жизни. Вообще эта свадьба была приятным развлечением в однообразной жизни толкачей. Они ее пышно отпраздновали всей корпорацией, благо, это совпало с началом месяца, когда им обычно перерывают отечественные авиасы под отчет. Под зvon бокалов и проучествованные тосты в честь новобрачных сущены были и ступочки, и квартирники, и телеграфные деньги, оформленные в бухгалтерских книгах за тысячи километров от волжских берегов.

Возможно, толкачи использовали эту свадьбу как предлог поправить всем вместе в последний раз. Они предчувствуют, что близок конец их привольной жизни. Редеет в нашей стране толкаческое племени, и толкачи, осевшие в Горьком, чувствуют себя, можно сказать, последними из могикан.

Как же все-таки случилось, что после решения Совета Министров СССР от 29 мая 1948 года, запрещающего беспельные командировки и закрывшего перед толкачами двери министерств, главков и сотен крупнейших учреждений и предприятий, Горьковский автозавод остался одним из тех островков, куда стремятся толкачи со всех концов страны. Неужели дело только в том, что некоторые директора, как только узнают, что им заширилась машина, готовы подмахнуть незаконную командировку, чтоб только поскорее увидеть машину в своем гараже?

Нет, причина к этому свою влиятельную руку и Глазавтотресторбит. Это он шибко запутанную систему отгрузки автомашины, открывшую цели и лазейки для формальной легализации толкачества. По этой системе автозаводу приходится вести филиальные расчеты непосредственно с десятками тысяч получателей. И вот под маркой урегулирования филиальных расчетов со всех концов страны в Горький съезжаются сотни толкачей. Они действительно и пахалством, и даже подкумом. И, к сожалению, их грязные приемы не везде встречают такой отпор, как на Горьковском автозаводе.

Толкач — это сорняк на цветущей ниве нашего социалистического хозяйства. И руководитель, подписавший командировочное удостоверение толкачу, невольно собственноручно свидетельствует, что он нарушает установленное правительство и бросает на ветер государственные деньги.

А в нашей стране этому нет прощания!

Ц. СОЛОДАРЬ, А. САМОЙЛОВ

А. УГРОМОВ

Против чуждых влияний в юридической науке

Постановка юридического образования и состояния науки права в нашей стране были 2 года назад подвергнуты Центральным Комитетом ВЛКСМ(б) суровой и совершенно справедливой критике.

ЦК ВЛКСМ(б) отметил, что одной из важнейших причин неудовлетворительного состояния юридического образования является зауженность научной работы в области юриспруденции.

Не была политически и не извлеклись в последние годы учебники по важнейшим юридическим дисциплинам: теории государства и права, советскому государственному праву, международному публичному праву, всеобщей истории государства и права, истории государства и права СССР, истории политических учений.

В издаваемых институтами сборниках и журналах имеются статьи, содержащие ошибочные положения.

В области юриспруденции отсутствует научная критика; научные кадры подготавливаются крайне медленно и в недостаточном количестве.

Два года — срок, достаточный для того, чтобы оценить, сумели ли наши правовики выносить партийные указания и устранить серьезные недостатки, ввершие их в работе.

Нет сомнения, мы можем говорить о некоторых успехах, которых за это время добилась советская юридическая наука. Так, например, в области юриспруденции появились научные работы, удостоенные Сталинской премии: «Теория судебных доказательств в советском праве» академика А. Я. Вышинского и «История пар-

тской тюрьмы» проф. М. П. Гернета. Вышли в свет несколько крупных монографических исследований. Подготовлены новые учебные программы по всем дисциплинам. Вышли, хотя и с опозданием, учебники по ряду дисциплин.

По отдельным успехам не могут заслужить серьезные похвалы и недостатки, которые до сих пор, спустя два года после решения ЦК ВЛКСМ(б), продолжают тянуть нашу правовую науку назад.

По ряду серьезных пунктов решение ЦК ВЛКСМ(б) осталось, по существу, невыполненным. Невыполненным, несмотря на отсутствие каких бы то ни было к тому причин.

Достаточно сказать, что вузы до сих пор еще не обеспечены высококачественными, марксистскими учебниками, для создания которых был установлен жесткий срок — один год. Уже этот срок показывает, какие значения придают наличию необходимых учебных пособий в вузах. Одно пришло два года, а учебники по таким важнейшим дисциплинам, как теория государства и права, история политических учений, иностранное государственное право и т. д., еще не изданы. Мало этого, многие из вышедших уже в свет учебников и монографий страдают такими пороками и изъятиями, что целесообразность их выпуска не может не вызывать сомнений. В отдельных работах содержится ряд положений, которые являются легкой модернизацией переживаемых буржуазных учений. В ряде случаев игнорируются важнейшие принципы марксистско-ленинской науки, авторы оперируют устаревшим материалом, не видя тех связей, которые произошли в мире за последние годы.

Догматический метод привел авторов к формалистическому определению предмета советского административного права в целом: «Административное право является совокупностью норм, регулирующих исполнительно-распорядительную деятельность органов государства» (стр. 9). В этом определении нет и намек на социалистические черты советского административного права.

Серьезнейшие ошибки националистического характера содержится в учебнике проф. С. В. Юшкова «История государства и права СССР», часть I-я (Юридгиз, 1947 год).

Вместо критики буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы, проф. С. В. Юшков в ряде вопросов сам воспроизводит установку Грушевского.

Об этом очень ярко свидетельствует выданный в 1946 году Всесоюзным институтом юридических наук Министерства юстиции СССР учебник И. И. Евтхивева и В. А. Власова «Административное право СССР». В нем не показано принципиальное, коренное отличие советского административного права от буржуазного. Нет острой критики буржуазных административно-правовых институтов. Учебник выдержан в духе академического объективизма и страдает буржуазно-догматическим формализмом. Он ни в какой степени не может быть признан отвечающим даже элементарным современным требованиям.

Авторы сводят все содержание советского административного права к «административным актам и административному принуждению» (стр. 8, 72). При этом «административные акты» мыслятся, как некие формальные действия, например: «наказ за подчиненными органами», «запрещение отдельных действий», «установление обязанностей», «разрешение действий», «удостоверение фактов», «юрисдикция в административном порядке» (стр. 70), т. е. как действия, ничем не отличающиеся от действий органов буржуазного государственного управления.

Догматический метод привел авторов к формалистическому определению предмета советского административного права в целом: «Административное право является совокупностью норм, регулирующих исполнительно-распорядительную деятельность органов государства» (стр. 9). В этом определении нет и намек на социалистические черты советского административного права.

Серьезнейшие ошибки националистического характера содержится в учебнике проф. С. В. Юшкова «История государства и права СССР», часть I-я (Юридгиз, 1947 год).

Вместо критики буржуазно-националистической концепции Грушевского и его школы, проф. С. В. Юшков в ряде вопросов сам воспроизводит установку Грушевского.

Он ни словом не обмолвился о том, что

Грушевский, будучи не только историком, но и политическим деятелем австро-немецкого направления, стремился фальсифицировать историю Украины, представить ее в антирусском свете.

В главе VIII С. В. Юшков, давая общую характеристику Украины, пишет: «После того, как украинский народ сбросил в союзе с русским народом польское иго, были насаждены изгнаны или уничтожены на Левобережной Украине польские паны и шляхта, права и привилегии которых, по современному тогда выражению, были «оскобаны казачьей саблей». И далее: «Освобожденное украинское казачество и крестьянство превратилось в свободных производителей. Украина сделалась своего рода островом среди феодального мира» (стр. 445).

Стало быть, профессор Юшков, вопреки действительной истории, считает, что среди украинского народа не было тогда землевладельцев-крепостников (панов, казачьих старшин), не было и крепостного крестьянства, которое работало в земельных владениях украинских феодалов, крепостников.

Подобные взгляды проф. С. В. Юшкова не помогают до конца разоблачить все и всякие националистические концепции по вопросам истории государства и права, все и всякие попытки националистических элементов фальсифицировать в своих целях историю народов СССР.

Мало этого, отбывая на задний план классовые различия и классовую борьбу, происходившую в XVI—XVIII вв. внутри украинского народа, проф. Юшков, по существу, воспроизводит антиисторическую националистическую теорию Грушевского о происхождении украинского народа.

Одним из серьезных пробоев в системе юридического образования является то, что, как показывает практика, студенты, выходящие из юридических институтов, зачастую не имеют сколько-нибудь серьезного представления о современном международном праве. Международное право является одним из отсталых участков юридического фронта.

В конце 1947 года, наконец, вышла в свет доработанная международное право: коллективный учебник Института права Академии наук СССР «Международное право» (под редакцией В. П. Дурленевского и С. Б. Крылова) и «Учебное пособие по международному публичному праву» Ф. П. Кожвинокина, изданное Всесоюзным юридическим заочным институтом Министерства юстиции СССР.

Обе эти работы имеют большие дефекты как фактического, так и принципиального порядка. На их издании в значительной мере чуждым советской науке концепции учебника указываются нашей критикой. Тщетно было бы пытаться найти в них глубокий анализ борьбы двух противоположных лагерей — империалистического, возглавляемого США, и демократического, возглавляемого СССР, — которая ведется сейчас на международной арене. А без такого анализа нельзя понять ни современной международной жизни, ни тех процессов, которые происходят в современном международном праве.

Зато авторы в изобилии преподавали студентам имена иностранных юристов, теоретический взгляд которых и науку международного права во многих случаях больше чем сомнительны. При этом в учебнике нет и намека на критику взглядов этих юристов, на разоблачение классовых корней их теорий.

Аполитичность, возвращение прозаичной марксистско-ленинской науки, воспроизведение буржуазных теорий имеют место не только в некоторых вышедших в свет работах, но иногда и в лекциях. Укажем, например, на одну из лекций по курсу уголовного права, прочитанную проф. М. Исаевым в Московском юридическом институте в начале 1947 года. Касаясь высказанной архиприказного катетика проф. Петражицкого, первоначально так называемой «схематической школы», проф. М. Исаев не только не дает критики ее идеалистических концепций, но утверждает, что они оказали «благотворное влияние» на развитие Октябрьской социалистической революции и помогли унич-

тожению буржуазно-помещичьего права. Проф. Исаев даже выразил на лекции сожаление, что Петражицкий не применил этой своей «благотворной» теории на практике (стр. 9 стенограммы лекции).

Понятие, слушая и читая подобные откровения, невозможно поверить, что они преподносятся в кафедры советского вуза советским студентам.

Министр высшего образования СССР С. В. Кафтанов в своем приказе от 19 октября этого года вынужден был признать, что уровень преподавания юридических наук в большинстве юридических высших учебных заведений до сих пор еще низок.

В научной работе и преподавании юридических наук все еще имеют место элементы схоластики, отрыва правовой науки от классовых борьбы и политики, крайняя слабость критики современных буржуазных правовых теорий.

Работники юридической науки находятся в большом долгу у партии и государства, у наших учащихся. Современное нетерпение, что до настоящего времени нетерпение не имеет хороших учебников по юриспруденции. За составление их должны взяться не только научно-исследовательские институты, но и кафедры крупнейших юридических вузов и юридических факультетов университетов.

Большую пользу могли бы принести организация конкурсов на лучшие учебники, а также критическое обсуждение подготовленных учебных пособий до представления их к печати. Необходимо творческие научные дискуссии по отдельным вопросам права, обсуждение научной общественностью отдельных глав и разделов рукописей.

Огромное значение для улучшения преподавания юридических наук будет иметь разгласывание большинства научной критики и самокритики.

Дальнейшее отставание правовой науки от требований партии, от жизни, от борьбы советского народа нетерпимо.

Советские юристы обязаны приложить все усилия для того, чтобы в кратчайший срок полностью реализовать решения ЦК ВЛКСМ(б).

В плену буржуазных теорий

Наука об изобразительном искусстве в нашей стране давно уже перестала быть узлом лишь узкого круга ученых и художников. Вопросы искусствоведения ныне живо интересуют самые широкие круги советской общественности. Успехи нашего искусствознания в целом несомненны. Однако его рост тормозится из-за влияния антинаучных буржуазных концепций, еще не изжитых в работах ряда искусствоведов. Так, еще имеет распространение среди историков искусства пресловутая теория «единого потока», уже разоблаченная в литературе.

Наиболее крупным и последовательным проводником этой теории в искусствознании является проф. М. Алпатов.

В 1947 году М. Алпатов опубликовал две большие статьи в журнале «Искусство»: «Русский портрет второй половины XIX века» и «Русский жанр второй половины XIX века». Автор этих статей пытается проследить полувековой путь двух важнейших жанров отечественной живописи, естественно, предлагает читателю общую концепцию истории русского искусства прошлого столетия. Основой этой концепции является утверждение полного единства и гармоничности развития русской дореволюционной культуры, которая якобы была лишена внутренних противоречий и борьбы различных направлений. Алпатов так и пишет: «В исторической перспективе бросается в глаза единство развития русского портрета на протяжении XVIII—XIX веков». И далее, еще более прямо: «Теперь, по прошествии почти полувека, складываются различия между отдельными представителями русского портрета и потому ясное бросается в глаза, что общей идее лучших русских портретов было найти в людях человека, раскрыть в индивидуальном, порой незначительном облике человека жизненно-действенную, светлую личность».

Это глубоко несправедливо, в корне ошибочная концепция. Она противоречит лепному учению о двух культурах в каждой национальной культуре, она не соответствует подлинной картине художественной жизни в России XIX в.

Отказываясь от осмысления идейной борьбы в русском дореволюционном искусстве, от раскрытия противоречивых тенденций в творчестве отдельных его мастеров — это значит, по сути дела, отказаться от научной объективности, от партийности исследования истории искусства — основополагающего принципа нашего искусствознания. Но ни к чему другому теория «единого потока» привести не может.

В работах Алпатова русское искусство оторвано от исторической почвы, от классовой борьбы в выступающей лишней четкой общественной тенденцией. Ссылка на историческую обстановку русской жизни XIX в. в статье о портрете вообще отсутствует, а в статье о жанре появляются либо как очередная ассоциация, либо как формальная «альтернатива». И в том и в другом случае эти ссылки никак не связаны с конкретным разбором произведений. Это вполне закономерно. Во-первых, нет никакой возможности «согласовать» с «примирить» общественную жизнь России XIX в., отчаянною крайним обострением социальных противоречий, с идеями мира и единства в искусстве той же поры. Во-вторых, по Алпатову, у всех русских художников была одна общая распыляющая-гуманная пель: в портрете — прославление «светлой личности», в жанре — «обличение мрачного, злого и вневременного добра, светлого». Лето, что подобные буржуазно-либеральные абстракции не только не опираются на историческую действительность, но в конечном счете противоречат ей.

Отталкиваясь от таких исходных посылок, М. Алпатов, естественно, видит в русском искусстве не отражение живой жизни, а попытку решения неких вневременных «общечеловеческих» проблем. «Мурсорский», — пишет он о репинских портретах, — это воплощение вдохновения в немощном теле... Победоносцев — это страшный шамшир, Витте — утиный салюпитер, Фоханов — лирик-поэт, Толстой — мудрый старец, «Стрепетов» Ярешко — это «русская Антигона, для которой человеческая правда выше закона и обычая».

Отказываясь от конкретного исторического анализа, Алпатов многократно пытается урвать и согласовать реакционное о прогрессивном, демократическом с антинародным, реалистическим течения с упадочными. Так, утверждая в одной статье, что «художник-демократ Перов угадал в Достоевском писателя-демократа», Алпатов в другой статье провозглашает единство эстетических взглядов Достоевского и Салтыкова-Щедрина: «Почти одновременно с обзором Салтыкова-Щедрина выставка русских художников в Вене была посвящена статье Достоевского. Как и Салтыков-Щедрина, Достоевский ищет в живописи прежде всего непосредственно выраженной правды, которая раскрывалась бы в самом образе «без особых внешних ярлычков и пояснений».

Если термином «демократ» можно обидеть Перова и Достоевского, а понятием «справда» Достоевского и Салтыкова-

А. КАМЕНСКИЙ
Д. САРАБЬЯНОВ

Щедрина, то эти слова превращаются в звук пустой, в типично буржуазную абстракцию, стало быть, — фальшивую абстракцию. На самом деле Перов и Достоевский принадлежали к противоположным идейным лагерям, а у Салтыкова-Щедрина и Достоевского была совсем разная «справда». Щедрина в упоминаемом Алпатовым обзоре¹ требует от художника реалистического естественности изображения, соединенной с определенной критической тенденцией к определенной критической тенденции, изображая мучительную правду российской действительности XIX века. А Достоевский в цитируемом месте «Дневника писателя» резко выступает против революционно-демократического направления в искусстве и с этих позиций ополчается на Некрасова.

Сходным образом обзор статей пытается стереть грани между реализмом и декадансом конца XIX — начала XX в. Отметим, что многие художники этого периода оказались от обличительной, критической направленности произведений своих предшественников — передвижников, М. Алпатов находит, что эта эволюция была лишь плодом вполне заурядного изменения вкусов и пристрастий мастеров. «На рубеже XIX и XX веков группа художников, — пишет он, — возобладала задачей раскрыть и увековечить в искусстве то, что можно назвать праздничной стороной народной жизни. Известно, что рядом с заунывно-печальными задумчивыми песнями наша народная музыка издавна славилась бодрыми песнями, лихими плясками вроде кабардинской с ее захватывающим вальсом». Все выглядит очень просто. Раньше обличали, теперь воспевают и празднуют. Раньше пели заунывные песни, а теперь радостные. И то и другое хорошо и «справедливо». Правда, у читателя возникают недоуменные вопросы: чему, собственно, радовался художник упомянутой группы? Разве жизнь народа накануне первой русской революции стала легче и веселее, чем в 70—80 гг.? Разве прямым долгом народного художника в эту пору не было четкое и последовательное раскрытие крайних обострившихся общественных противоречий? Отвечая на эти вопросы, пришлось бы признать, что некоторые русские мастера конца XIX — начала XX в. отступили от революционно-демократических традиций, а сложившаяся в это время группировка «Мир искусства» прямо выступила против них, с особенной несправедливостью на последнем передвижничестве.

По таким признаниям прямо противоречивы бы концепция «единого потока» в искусстве, исповедуемой М. Алпатовым. Важно отметить, что сглаживание общественных противоречий, стремление привести к одному знаменателю принципиально различные по своему идейному смыслу художественные явления всегда приводит, в конечном счете, к уступкам в пользу реакционной идеологии. Так и в статьях М. Алпатова. Приравняв Достоевского к Щедрина и Перову, он в дальнейшем чуть ли не на каждой странице ссылается на Достоевского, как на высший авторитет, как будто суждения Достоевского об искусстве могут служить критерием для советского ученого. Не скрывая коренных различий между передвижниками и художниками упадочных направлений, Алпатов тем самым принижает русский критический реализм и объективно выгораживает декаданс.

У нас иногда говорят о космополитизме лишь как о проявлении злой воли и дурной традиции. При этом не замечают, что в трудах некоторых ученых, попавших в плен буржуазной идеологии, космополитизм является органической составной частью их метода и мировоззрения. Для последователей теории «единого потока» характерны ошибки космополитического характера. Если ставится в один ряд произведение и эстетические высказывания представителей враждующих идейных лагерей в искусстве, если выхолащивается историческое, классовое содержание искусства и оно рассматривается с точки зрения «вечных», безжизненных абстракций, то не остается никаких реальных материалистических оснований для изучения национального своеобразия культуры. Это своеобразия, также как и оригинальность каждого-либо отдельного художника, сторонники теории «единого потока» может искать только негативным путем, т. е. сравнивая и сопоставляя русское искусство с французским, немецким и т. д., одного художника с другим. Поэтому исследование «единого потока» всегда неизбежно приводит к компаративизму.

Ярким примером в этом смысле могут служить две упомянутые статьи Алпатова в журнале «Искусство». Обе они построены на сравнении произведений русских и западных живописцев. М. Алпатов с порога отбрасывает историческую обусловленность характера противопоставляемых художественных культур. Для него особенностью русского и западного искусства существуют как нечто априорное, как не тре-

бующие объяснений проявления абстрактных национальных качеств. Верный своей исходной концепции, Алпатов в западном искусстве изображает единообразный, лишённый внутренних противоречий и борьбы направлений, Мастерские, связанные с революционным движением (Гойя, Курбе, Домье, Менье) и такие реакционные художники, как Понн, Тома, Ходлер, выступают в статьях, только как «западные мастера». В конечном счете дело сводится к противопоставлению русского «вообще» и западного «вообще». Нет нужды доказывать ненаучность таких сравнений, изучив путем чисто формальных аналогий. Кого могут убедить выводы в пользу гениального Ренина из сопоставления его с третьестепенным швейцарским графиком Штауффер-Берном, который «сходен с русским мастером лишь тем, что тоже изображал писателя? Какая польза от утверждения (абсолютно сомнительного!) сходства между стариком из полоната Савинского «Встреча иконы» и дочерью картин раннего Возрождения, или между пыльным поном, изображенным Перовым в «Брестском ходе на Пасху», и терракотовым статуэтками V—IV вв. до нашей эры?

Вся компаративистская система сопоставлений не помогает и не может помочь выявлению самого главного в русском искусстве XIX века — глубокой связи с народом, идейной прогрессивности, его революционно-критического духа. Эта система лишь доказывает, что автор может осмыслить своеобразия отечественной живописи, только примерая ее к западным образцам, волюю или неволюю понимаемых как единственных критерий оценки. Характерно, что в статьях нет, а провозглашает отголосок тщательно затупившего представления о русском искусстве, как провинциальном, лишь отражающем успехи западноевропейской культуры. Так, Алпатов пишет, что «еще в портретах Кипренского и Тропинина — наперекор романтической моде, у Левитского и Рокотова — наперекор жеманности их века, проглядывает много самобытного, русского», «Самобытное, русское» здесь явно противопоставлено «жеманности века» и «романтической моде». Значит, речь идет о западном рококо и западном романтизме и, стало быть, по мнению Алпатова, в творчестве Левитского, Рокотова, Кипренского, Тропинина, самостоятельное, национальное только «проглядывает» сквозь иноземную основу. Это противопоставление общезвестным фактам, утверждение призрачные замечательных основателей русской портретной традиции.

Сравнения компаративистского характера вообще составляют самую душу исследований М. Алпатова. Они встречаются на каждой странице его работ, составляя важнейшую часть аппарата его исследования. Достаточно сказать, что на протяжении менее чем полутора печатных листов маленькой монографии о Мартосе¹ М. Алпатов успевает сравнить скульптора с Пушкиным и Гете, Микеланджело и Державиным, Батюшковым, Жуковским и Озеровым, скульпторами Фальконе, Кановой, Шубиным, Гордеевым, Козловским, Федосеевым Щедрина, Прокофьевым, живописцем Шабаловым и т. д. Читатель буквально захлебывается в этом бесконечном потоке сравнений, по большей части своеобразных и почти всегда формальных.

Нередко подобные аналогии превращаются в утверждение заимствований. Изысканиями древних источников изображает разрозненные фрагменты Митины и Пожарского. Даже жест руки Митина и тот «входит в древнеримские статуи, которые заимплайс Мартосу в его бытность в Италии». Что касается головы Митина, то она «всё скопировала с головы Зевса», хотя непостижимым образом «аллопийнает» также и русских крестьян.

Так, М. Алпатов изображает великого русского скульптора электиком, рабски подражающим древним шедеврам. И в других работах М. Алпатова можно найти сколько угодно примеров такого рода. Они характеризуют не только привычку автора вечно оглядываться на Запад, отбрасывая там все истоки, но прежде всего порочность его научной методологии.

Мы потому с такой подробностью останавливаемся на идеяхных ошибках в работах М. Алпатова, что это очень характерные заблуждения, встречающиеся и в трудах другого ряда других искусствоведов.

В постановлении правительстве об Академии художеств СССР указывалось, что одной из важнейших задач академии является «борьба... с жеманностью, идеалистическими теориями в области эстетики». Эта ответственная и насущная задача решается пока слабо. Дело, как правило, не идет дальше общих деклараций, осуждающих идеалистические теории. Давно уже пора перейти к конкретной беспощадной борьбе против всех и всяческих попыток проталкивать в нашу искусствоведческую науку реакционные буржуазные концепции. В острые и последовательности этой борьбы — один из основных залогов успешного развития советского искусствознания. его идейной чистоты и большевистской партийности.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрина. «Первая русская передвижная художественная выставка». Собр. соч. т. VIII, стр. 272—280.

бующие объяснений проявления абстрактных национальных качеств.

Верный своей исходной концепции, Алпатов в западном искусстве изображает единообразный, лишённый внутренних противоречий и борьбы направлений, Мастерские, связанные с революционным движением (Гойя, Курбе, Домье, Менье) и такие реакционные художники, как Понн, Тома, Ходлер, выступают в статьях, только как «западные мастера». В конечном счете дело сводится к противопоставлению русского «вообще» и западного «вообще». Нет нужды доказывать ненаучность таких сравнений, изучив путем чисто формальных аналогий. Кого могут убедить выводы в пользу гениального Ренина из сопоставления его с третьестепенным швейцарским графиком Штауффер-Берном, который «сходен с русским мастером лишь тем, что тоже изображал писателя? Какая польза от утверждения (абсолютно сомнительного!) сходства между стариком из полоната Савинского «Встреча иконы» и дочерью картин раннего Возрождения, или между пыльным поном, изображенным Перовым в «Брестском ходе на Пасху», и терракотовым статуэтками V—IV вв. до нашей эры?

Вся компаративистская система сопоставлений не помогает и не может помочь выявлению самого главного в русском искусстве XIX века — глубокой связи с народом, идейной прогрессивности, его революционно-критического духа. Эта система лишь доказывает, что автор может осмыслить своеобразия отечественной живописи, только примерая ее к западным образцам, волюю или неволюю понимаемых как единственных критерий оценки. Характерно, что в статьях нет, а провозглашает отголосок тщательно затупившего представления о русском искусстве, как провинциальном, лишь отражающем успехи западноевропейской культуры. Так, Алпатов пишет, что «еще в портретах Кипренского и Тропинина — наперекор романтической моде, у Левитского и Рокотова — наперекор жеманности их века, проглядывает много самобытного, русского», «Самобытное, русское» здесь явно противопоставлено «жеманности века» и «романтической моде». Значит, речь идет о западном рококо и западном романтизме и, стало быть, по мнению Алпатова, в творчестве Левитского, Рокотова, Кипренского, Тропинина, самостоятельное, национальное только «проглядывает» сквозь иноземную основу. Это противопоставление общезвестным фактам, утверждение призрачные замечательных основателей русской портретной традиции.

Сравнения компаративистского характера вообще составляют самую душу исследований М. Алпатова. Они встречаются на каждой странице его работ, составляя важнейшую часть аппарата его исследования. Достаточно сказать, что на протяжении менее чем полутора печатных листов маленькой монографии о Мартосе¹ М. Алпатов успевает сравнить скульптора с Пушкиным и Гете, Микеланджело и Державиным, Батюшковым, Жуковским и Озеровым, скульпторами Фальконе, Кановой, Шубиным, Гордеевым, Козловским, Федосеевым Щедрина, Прокофьевым, живописцем Шабаловым и т. д. Читатель буквально захлебывается в этом бесконечном потоке сравнений, по большей части своеобразных и почти всегда формальных.

Нередко подобные аналогии превращаются в утверждение заимствований. Изысканиями древних источников изображает разрозненные фрагменты Митины и Пожарского. Даже жест руки Митина и тот «входит в древнеримские статуи, которые заимплайс Мартосу в его бытность в Италии». Что касается головы Митина, то она «всё скопировала с головы Зевса», хотя непостижимым образом «аллопийнает» также и русских крестьян.

Так, М. Алпатов изображает великого русского скульптора электиком, рабски подражающим древним шедеврам.

И в других работах М. Алпатова можно найти сколько угодно примеров такого рода. Они характеризуют не только привычку автора вечно оглядываться на Запад, отбрасывая там все истоки, но прежде всего порочность его научной методологии.

Мы потому с такой подробностью останавливаемся на идеяхных ошибках в работах М. Алпатова, что это очень характерные заблуждения, встречающиеся и в трудах другого ряда других искусствоведов.

В постановлении правительстве об Академии художеств СССР указывалось, что одной из важнейших задач академии является «борьба... с жеманностью, идеалистическими теориями в области эстетики». Эта ответственная и насущная задача решается пока слабо. Дело, как правило, не идет дальше общих деклараций, осуждающих идеалистические теории. Давно уже пора перейти к конкретной беспощадной борьбе против всех и всяческих попыток проталкивать в нашу искусствоведческую науку реакционные буржуазные концепции. В острые и последовательности этой борьбы — один из основных залогов успешного развития советского искусствознания. его идейной чистоты и большевистской партийности.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрина. «Первая русская передвижная художественная выставка». Собр. соч. т. VIII, стр. 272—280.

бующие объяснений проявления абстрактных национальных качеств.

Верный своей исходной концепции, Алпатов в западном искусстве изображает единообразный, лишённый внутренних противоречий и борьбы направлений, Мастерские, связанные с революционным движением (Гойя, Курбе, Домье, Менье) и такие реакционные художники, как Понн, Тома, Ходлер, выступают в статьях, только как «западные мастера». В конечном счете дело сводится к противопоставлению русского «вообще» и западного «вообще». Нет нужды доказывать ненаучность таких сравнений, изучив путем чисто формальных аналогий. Кого могут убедить выводы в пользу гениального Ренина из сопоставления его с третьестепенным швейцарским графиком Штауффер-Берном, который «сходен с русским мастером лишь тем, что тоже изображал писателя? Какая польза от утверждения (абсолютно сомнительного!) сходства между стариком из полоната Савинского «Встреча иконы» и дочерью картин раннего Возрождения, или между пыльным поном, изображенным Перовым в «Брестском ходе на Пасху», и терракотовым статуэтками V—IV вв. до нашей эры?

Вся компаративистская система сопоставлений не помогает и не может помочь выявлению самого главного в русском искусстве XIX века — глубокой связи с народом, идейной прогрессивности, его революционно-критического духа. Эта система лишь доказывает, что автор может осмыслить своеобразия отечественной живописи, только примерая ее к западным образцам, волюю или неволюю понимаемых как единственных критерий оценки. Характерно, что в статьях нет, а провозглашает отголосок тщательно затупившего представления о русском искусстве, как провинциальном, лишь отражающем успехи западноевропейской культуры. Так, Алпатов пишет, что «еще в портретах Кипренского и Тропинина — наперекор романтической моде, у Левитского и Рокотова — наперекор жеманности их века, проглядывает много самобытного, русского», «Самобытное, русское» здесь явно противопоставлено «жеманности века» и «романтической моде». Значит, речь идет о западном рококо и западном романтизме и, стало быть, по мнению Алпатова, в творчестве Левитского, Рокотова, Кипренского, Тропинина, самостоятельное, национальное только «проглядывает» сквозь иноземную основу. Это противопоставление общезвестным фактам, утверждение призрачные замечательных основателей русской портретной традиции.

Сравнения компаративистского характера вообще составляют самую душу исследований М. Алпатова. Они встречаются на каждой странице его работ, составляя важнейшую часть аппарата его исследования. Достаточно сказать, что на протяжении менее чем полутора печатных листов маленькой монографии о Мартосе¹ М. Алпатов успевает сравнить скульптора с Пушкиным и Гете, Микеланджело и Державиным, Батюшковым, Жуковским и Озеровым, скульпторами Фальконе, Кановой, Шубиным, Гордеевым, Козловским, Федосеевым Щедрина, Прокофьевым, живописцем Шабаловым и т. д. Читатель буквально захлебывается в этом бесконечном потоке сравнений, по большей части своеобразных и почти всегда формальных.

¹ М. Е. Салтыков-Щедрина. «Первая русская передвижная художественная выставка». Собр. соч. т. VIII, стр. 272—280.

Большая судьба маленького народа

3. ПАПЕРНЫЙ

Окраинной мира звали эту страну. Далеко на севере раскинулись ее голубые, безлюдные, безжизненные просторы. Люди жили там в постоянном страхе. Они боялись природы, суровой и неласковой, как мачеха, сгнала себя ее рабами и униженно благодарили за каждую ее пощадку — за убитого моржа, за пещера, попавшего в калкан. А когда за томями, дрожжащими степками являлись завывала вьюга, они, испуганные, приносили в жертву лучших собак, мясо, меха — все несли шаману. А уж тот, конечно, передавал дары злым духам — им ведь был коротко знаком с ними.

Рожая ребенка, женщина не смела даже стоять, — вдруг услышит злой дух Келе? Человек уходил на охоту, и о нем боялись заговорить, — не дай бог Келе упадет на след. А когда кто-нибудь погибал, тридцать дней не решались охотиться, чтобы не разгневать своих невидимых, но всемогущих «хозяев».

Но были у них хозяева и на земле, более нехватные, жалкие, чем духи. Таков «американ» мистер Чарли Томсон — один из персонажей книги Т. Семушкина. В прошлом преступник, убийца, агент контрабандистов, он занялся теперь «настоящей», добропорядочной торговлей. Он умеет аккомпанировать одинаково и честно и теплому чукчей.

А сколько таких томсопов — агентов и разведчиков империалистической Америки, падахи на легкую наживу, — приехал из Аляски! Чукотка для них была «страшной открытой возможностью».

У них была опора — местные богачи, аккомпаниаторы вроде Алягита, который заключает себя «хозяйном землей». Ему беспрекословно подчиняется все стойбище.

Алягит презирает свой народ, зовет своих соратников «собаками». Зато он любит все американское. Привозжающие из Аляски проходимцы, безжалостно обманывающие и грабящие чукчей, — его учителя. «Я, Алягит, все равно как американ», — самодовольно заявляет он.

Могучая буря Октября разметала этот страшный мир векового угнетения. Великий русский народ протянул братскую руку чукотскому народу и уверенно пошел его к счастью жизни.

«Я пошел к новому закону жизни», — говорит с гордостью старый чукча, «великий ловец» Лёк, и его слова повторяют десятки людей.

Движение народа под мудрым руководством большевистской партии к «новому закону», могучий натиск нового, сметающий все сопротивление старинцы, — в этом пафос всей книги «Алягит уходит в горы» и особенно второй ее части.

Т. Семушкин рисует много личных судеб. Но ни одна из этих личных судеб сама по себе не движет сюжета. Его развитие определено другим — движением Великой социалистической революции, которая пришла на далекий север в образе русских коммунистов — коммуниста Пикиты Лёк, комсомольца Андрея Жукова.

Никита Лёк — образ настоящего большевика — руководитель, смелого пролетария жизни. Все силы и помыслы он отдаёт борьбе за возрождение народа. Лёк несет людям Чукотки великую большевистскую правду. Он умело и бережно помогает их росту, пробуждает в них чувство человеческого достоинства и братской солидарности со всеми советскими людьми.

Залесенный сегом домик чукотского ревкома, в котором поселяются Лёк и Андрей, выглядит вначале маленьким островком в бескрайнем снежном море. Большевики хорошо знают, сколько неприятностей лежит на их пути — темнота, дикость, суеверия, козни шаманов, злобное сопротивление Алягита, воспитанная веками неприязнь чукчей к «тыгам» — белочинам. Но все это не пугает их.

Тихон Семушкин. «Алягит уходит в горы». Роман. Книга первая. Гослитиздат. 1948 год. Книга вторая. «Октябрь», № 10, 11, 1948 год.

«Что касается «диких» чувств и взглядов людей, — говорит товарищ П. В. Сталин еще задолго до революции, — то они не так уж важны, как это некоторые предполагают... Наступает новое время, время социалистического производства, — и что же удивительного, если чувства и разум людей проникнутся социалистическими стремлениями?»

Эти слова многое объясняют в том стремительно, бурном развитии отсталых народов, которое ярко отражает литература социалистического реализма. Эта литература, согласно советскому образу жизни, утверждает равенство освобожденных народов, строящих свою жизнь на началах дружбы, взаимного доверия и добровольного братского согласия. Убежденным в том, что не вены, предостынным и невежеством забалбешенных народов, глубокой верой в их творческий расцвет при социализме проникнуты такие герои, как «Последний из уздег» А. Фадеева, «Обыкновенная Арктика» Б. Горбатова, «Человек ищет счастья» И. Меньшикова, «Ниссо» П. Лукницкого, «Горы и люди» Ю. Либенского и многие другие.

Т. Семушкин правдиво показывает, что рождение нового происходит не сразу. Его герои и ошибаются, и колеблются, и даже иногда отступают ненадолго назад, к старине, к шаману, к Алягиту.

Вначале они еще думают, что новая школа — собственность Лёк, что русские — это «хорошие шаманы», и с испугом смотрят на мотор, в котором живет дух Бей-Зин.

В первой книге романа борьба старого и нового только завязывается. Во второй книге Семушкин показывает, как русские коммунисты, поддерживаемые передовыми чукчами, переходят в решительное наступление против старого мира.

Край очищается от незваных гостей, американских пришельцев. Там, где жили раньше только маленький домик ревкома, вырастают новые дома, школа, больница, клуб. Место торговых вапак-ловушек Алягита, Чарли, «Нор-Компани» занимают теперь советские фактории.

Но главное в том, что люди уже не те. Чукчи порывают с шаманом, отдают детей в школу, осваивают мотор, сами становятся у штурвала судна.

Как затравленный зверь, мечется Алягит по сельским с криком: «Нас кругом окружил новый закон, привезенный русскими!»

Книга завершается сценой народного суда над Алягитом, беспомощного «разбора жизни» этого заматерелого хищника-эксплоататора. Он решает бежать в горы, теша себя безалаберной мыслью, что, может быть, хоть там остались еще старые обычаи.

Одиноким, задыхающимся от бессильной ярости, он несетесь сквозь почную мгу на собаках, испуганно оглядываясь назад...

«Алягит уходит в горы» — не просто произведение Т. Семушкина. Около десяти лет назад вышла его книга «Чукотка», написанная в сущности, на ту же тему. Автор рассказывал в ней о том, как революция принесла на далекий север свет знаний, культуру, новую технику, новые законы, обычаи, представления.

Сравняв эти две книги, видишь, какой большой шаг вперед сделал автор «Алягита».

В «Чукотке» писатель нарисовал обаятельный образ народа — сердечного, честного, трудолюбивого, выносливого и скромного в своем повседневном мужестве. Образы отдельных людей интересовали художника не сами по себе, — они были скорее лишь живыми иллюстрациями,

примерами, характерными для народа в целом.

В книге «Алягит уходит в горы» Т. Семушкин стремится внутри раскрыть жизнь чукотского народа. Отказываясь от внешней литературной иллюстративности, от развешивания описаний, сравнений, широких метафор, он создает глубоко своеобразное повествование. Даже в авторской речи мы слышим и удивление, и первый испуг, и радость чужой, приобщающейся к новому закону жизни.

По мере того как бы на точку зрения своих героев, писатель несколько «не самоустраивается» из произведений. Тонкой иронией, чуть заметным изменением интонации он всегда дает читателю почувствовать свои действительные симпатии и антипатии, свою авторскую оценку.

Т. Семушкин превосходно знает жизнь, быт и нравы чукчей. Но к его книге меньше всего подходит название этнографической. Нет в ней той банальной декоративной «экзотики», которая характерна для многих старых книг о народах Севера, где всегда встречается описание собачьей упряжки, чукотской одежды и обуви, устрояется яранги, но за всем этим «колоритом» не видно самого человека; характер народа, его стремления, надежды остаются перекрашенными. Т. Семушкина прежде всего интересует не описание жизни, одежды, а характер, внутренний строй мыслей и чувств того, кто носит эту одежду, кто обитает в этом жилище.

Тыгрша с ее неистребимой жаждой свободы, упорным несомнением подлинности насилию, с ее несогласием и упорством, охотник Лёк, в котором большая житейская мудрость причудливо сочетается с самыми фантастическими представлениями, постычно преодолеваемыми, старая Руалтына, узнавшая после многих лет рабства радость свободного труда в коллективе свободных людей, — все это живые образы, неповторимые и в то же время глубоко типичные. Их уже никак не назывешь «иллюстрациями». Тем обиднее отметить в такой книге слабые недостатки: слишком глубокого раскрытия характеров некоторых героев. Критика верно отметала слабость образов молодых чукчей — Аие и Ваачо. К сожалению, этот недостаток не совсем преодолен и во второй книге. Обобщено это относится к образу Аие. На его долю вышла поездка в Ленинград, полная удивительных открытий жизнь в большом и шумном русском стойбище. Он становится водителем судна. Можно представить, как все это раздуло его кругом, обогатило новыми знаниями, впечатлениями. Но автор почему-то главное свое внимание уделяет внешнему преображению героя — его новому костюму, галстуку («судак»), неприличным для чукчей, коротко остриженным волосам и т. д. Совсем бледно написана сцена приема в партию Ваачо и Лёк. Не чувствуется, что это — решающий переломный момент в их жизни.

С того времени, которое описано в книге Т. Семушкина, прошло уже 20 лет. За эти годы Чукотка, эта была «окраина мира», преобразилась до неузнаваемости. Но снейшим полям протянулись широкие дороги. Там, где раньше стояли ветхие яранги, сорванные ветром, выросли высокие каменные и деревянные дома, которые не страшны никакие бури. Яркий электрический свет озарил жилища чукчей, уже забыли о тусклом, коптившем быте жирника. Вся страна помогает развитию этого края.

Партия большевиков вырастила сотни чукчей — специалистов, ученых, врачей, учителей, строителей. О первых шагах чукчей к возрождению и расцвету правды рассказывает книга Тихона Семушкина «Алягит уходит в горы» — широкая и талантливая эпопея жизни отсталого в прошлом народа, лучшего под руководством партии и советской власти по пути социализма.

С того времени, которое описано в книге Т. Семушкина, прошло уже 20 лет. За эти годы Чукотка, эта была «окраина мира», преобразилась до неузнаваемости. Но снейшим полям протянулись широкие дороги. Там, где раньше стояли ветхие яранги, сорванные ветром, выросли высокие каменные и деревянные дома, которые не страшны никакие бури. Яркий электрический свет озарил жилища чукчей, уже забыли о тусклом, коптившем быте жирника. Вся страна помогает развитию этого края.

Партия большевиков вырастила сотни чукчей — специалистов, ученых, врачей, учителей, строителей. О первых шагах чукчей к возрождению и расцвету правды рассказывает книга Тихона Семушкина «Алягит уходит в горы» — широкая и талантливая эпопея жизни отсталого в прошлом народа, лучшего под руководством партии и советской власти по пути социализма.

Существуют ли звуки речи?

Проф. Л. ЖИРКОВ

Существуют ли звуки речи? Признаюсь, что я за всю свою долгую жизнь никогда не слышал спора на эту тему. Я не выдал до сих пор человека, который питал бы какие-нибудь сомнения по этому поводу. В жизни мы разговариваем, читаем вслух, слышим звуковую речь людей, их речи по радио. Мы слышим фразы, во фразы — слова. Фразы и слова разлагаются на отдельные слышимые и понимаемые нами звуки. Существуют ученые, профессора и студенты, которые изучают звуки речи, описывают их, обучают студентов; существует целая наука о звуках речи — фонетика.

И вдруг...

Доплет Л. Зиндер, долгое время изучавший звуки речи и обучающий студентов, в настоящее время усомнился в том, что же он изучает и за что он получает зарплату. Он поставил перед собой основной принципиальный вопрос: существуют ли звуки речи или они не существуют? Если не существуют, то и изучать здесь нечего и обучать нечему. Чтобы разобраться в этом вопросе, Л. Зиндер напечатал в научном журнале Академии наук СССР («Известия АН, Отделение литературы и языка», 1948 г., т. VII, выпуск 4) статью под странным заглавием: «Существуют ли звуки речи?»

С чем же здесь автор спорит, что утверждает и что опровергает?

Он спорит с давней и славной традицией русской и советской науки о языке. Более полувека тому назад один из крупнейших русских лингвистов Иван Александрович Бодуэн де Куртене создал «теорию фразы». В языке, как и в природе, это был решающий период. До тех пор звуки речи изучали весьма тщательным, но их изучали всегда без связи с теми значениями, которые эти звуки выражали. Считалось, что отдельный звук сам по себе значения не имеет; можно изучать, как он слышится, как произносится, какие органы речи при этом работают, но изучать все это можно якобы в отрыве от значения. Вульгарный материализм в лингвистике безраздельно господство-

вали в этой области языковедческой науки. Бодуэн де Куртене определял звук речи, как «фонема», т. е. как выразитель значения, смысла речи; он противопоставил звук-фонема — звуку, как физическому явлению, изучаемому в акустике. Эта теория фонем является нашей национальной гордостью, ибо приоритет русской науки здесь неоспорим.

Связь языка и мышления всегда была традицией русской передовой науки. Поэтому так и называл одну из своих известных работ: «Мысль и язык».

Академик Марр всю свою работу строил, как изучение языка и мышления; основоположник исследования лин

Греческий народ победит!

Всем известно, что на Грецию с особой жестокостью расточается американская «помощь». Греция — образ «маршалловской» страны, где Уолл-стрит без всякого стеснения проводит свою политику. Так, в течение 1948 года американскими компаниями США переправлено более 400 миллионов долларов и 210 тысяч тонн военных материалов. В Пирее, Салониках, Патрасе и других местах непрерывно выгружаются всевозможные «товары», включая баллоны с отравляющими газами.

Но всем известно и то, что в Греции — первой стране, «облагодетельствованной» Америкой, разыгрывается кровавая трагедия и что вот уже два года во всех районах страны идет ожесточенная война. Маленький героический народ, который в течение веков постигал науку борьбы за свою национальную независимость, который совсем недавно пережил гнет гитлеровской оккупации, сегодня изо всех сил оказывает сопротивление натиску американских империалистов, понимая, что их торжество будет означать еще более жестокую колонизацию его родины.

Доктрина Трумэна привела к тому, что в Греции обосновались гангстеры, обличенные всеми полномочиями власти. Убийства становятся здесь повседневным, рядовым явлением. Не будучи в состоянии поработить дух греческого народа и столкнувшись лицом к лицу с Демократической армией, монархо-фашисты обрушивают свою ярость на невинных жертв, которые находятся в их руках. Наряду с «законными» убийствами, совершаемыми по массовым приговорам военных судов, под непосредственным и личным руководством шефа полиции и охраны совершаются убийства из-за угла. Так был убит американский журналист Полк по той лишь единственной причине, что он осмелился писать правду, неблагоприятную для режима американского галлеттера в Афинах.

Одним из наиболее подлых деяний афинской клики являются массовые казни патриотов, участников Сопротивления 1941—1945 годов. По наущению американских властей, монархо-фашистские правительственные органы в мае 1948 года планомерно истребляют этих героев греческого народа. Преступление афинских палачей вызвало протест и возмущение общественного мнения всех цивилизованных стран и энергичное выступление советского народа. Однако афинские палачи лишь на несколько недель отложили свои преступные замыслы. Характерным примером их чудовищного злодейства может служить дело писателя Малолиса Гелосса. В мае 1941 года активный борющийся за свободу Греции Гелос сорвал с Акрополя гитлеровский флаг со свастикой, а сегодня по приговору реакции этого национального героя осуждают на смертную казнь.

Не так давно афинское джесправительство, с одобрения американских «советников», обнародовало закон, дарующий амнистию любому преступнику, — будь то самый закоренелый бандит, — если он доставит властям отсеченную голову солдата или офицера Демократической армии. Таковы те, кто претендует на звание защитников западной демократии.

В области культуры эти господа создали атмосферу полной нетерпимости и пытаются подавить даже невысказанные мысли. Повторяются гоббельсовские ауто-да-фе — на городских площадях устраивают костры из книг, которые показались «подозрительными» афинским жандармам. Вся греческая демократическая интеллигенция, начиная с профессуры университетов в Афинах и Салониках, подвергается преследованию. Лучшие журналисты и писатели, отставившие как патриоты в годы гитлеровской оккупации, теперь снова очутились в тюрьмах Греции, захваченной американцами.

Проф. Петрос КОККАЛИС, министр социального обеспечения и народного образования временного демократического правительства Греции

Около миллиона крестьян, иными словами, 15 процентов всего населения страны, выселено из родных деревень; все эти люди, и в их числе 200 тысяч детей, живут в концентрационных лагерях, в невообразимой нужде, гнетом от голода, болезни, недостатка одежды. А палачи, лишаящие детей семьи и крови, осмелевают требовать, чтобы под их «покровительством» вернули несколько тысяч детей, которых удалось спасти благодаря гостеприимству стран народной демократии.

Чтобы развить народ и таким образом парализовать сопротивление масс, с ведома полиции, а в большинстве случаев по ее негласному указанию, в греческих городах, особенно в Афинах, открыто множество заведений самого сомнительного свойства. Здесь потребляют гашиш и другие наркотики, в изобилии поставляемые в Грецию через посредство ее американских «благодетелей».

Греция являет превосходный пример того, что происходит народам «американская помощь». Нищета, безработица, убийства, массовые казни, аресты, сыска и тюрьмы, развращение нравов — вот нынешняя картина жизни монархо-фашистской Греции.

Какое трагическое различие между странами народной демократии и Грецией, где властвуют американцы! В то время как в странах народной демократии, связанных узами братской дружбы с великим Советским Союзом, трудящиеся заняты созидательным трудом, мы вынуждены продолжать тяжелую борьбу за самое существование нации и с горечью вести счет кровавым преступлениям против нашего народа.

В течение минувшего 1948 года произошли изменения, имеющие огромное значение для дальнейшего хода нашей освободительной борьбы.

23 декабря 1947 года было образовано временное демократическое правительство, первоочередной задачей которого являлась мобилизация всех ресурсов и сил греческого народа. Так мы начали наш 1948 год. Самый факт создания этого правительства показывал, как неисчерпаемы силы народа, борющегося за свободу.

Временное демократическое правительство начало свою деятельность с осуществления в освобожденных районах Греции социальных и политических реформ большого масштаба. Эти реформы, касавшиеся земель, учреждения народных советов и народного правосудия, содействовали дальнейшему революционному подъему народных масс. Важным фактом политики правительства является наше сближение с славяно-македонским национальным меньшинством, достигнутое в общей вооруженной и политической борьбе.

С начала 1948 года монархо-фашисты, каждым шагом которых руководили их американские покровители, предприняли широкие военные операции с тем, чтобы нанести окончательное поражение Демократической армии и раз и навсегда покончить с сопротивлением греческого народа.

Несмотря на тщательную подготовку, несмотря на 200-тысячную армию, снабженную самым современным оружием и имеющую в изобилии боеприпасы, военная кампания монархо-фашистов, возглавляемая американским генералом Ван Флитом и его штабом, безнадежно провалилась.

Американцы и их афинские агенты возлагали все надежды на операцию в Вормосе. Планы этой операции были разработаны американцами. При каждой военной части монархо-фашистов находились американские «наблюдатели», фактически ру-

ководившие военными действиями. Они предполагали, что это будет эффективная и легкая экспедиция.

Правда, что у Демократической армии не было ни самолетов, ни танков. Правда, что общее соотношение сил явно складывалось в пользу монархо-фашистов. Однако с первых же дней боя выяснилось, что народная армия держится необычайно стойко и наносит врагу огромные потери. После семидневного сражения части Демократической армии временно отступили с горы Грамос, провав вражеские линии, и перешли на гору Вити. Эти битвы стимулировали монархо-фашистам большой крови. Они потеряли более 30 тысяч солдат и офицеров на горе Грамос и более 10 тысяч — на Вити.

Демократическая армия вышла из сражений 1948 года во всех отношениях еще более сильной и еще крепче верящей в победу народа. Сегодня, спустя три месяца после того, как афинская клика на весь мир протрубила о своей «победе», знамя Демократической армии снова реет на высотах Грамоса.

Судя по многим признакам, расчеты англо-американского империализма на греческих монархо-фашистов терпят крах. Разногласия в правых афинских кругах от дня ко дню становятся все более ожесточенными. Господствующие политические партии стараются свалить друг на друга ответственность за поражения, а греческий народ не только не смирился, но, напротив, размах народного движения становится все более и более мощным.

«Никогда положение монархо-фашизма не было настолько трудным и никогда Демократическая армия Греции не была настолько крепкой, как в настоящее время», — писал недавно генеральный секретарь Центрального Комитета коммунистической партии Греции Никос Залариандис. — Политика американского владычества рушится. Монархо-фашизм оказывается все более и более изолированным. В последнее время монархо-фашисты начали казнить десятки своих офицеров — факт, который показывает, что разложение началось в самой монархо-фашистской армии.

Греческий народ вот уже девять лет приносит великие жертвы во имя демократии и свободы. И по этой причине сегодня, как и год назад, временное демократическое правительство предлагает честное соглашение о прекращении военных действий. Основой этого соглашения является решающее условие: Греция должна быть объявлена от интервенции и владычества американцев и англичан. Только так будет умиротворен народ! Этот наш лозунг за последнее время получает все большее и большее распространение в рядах солдат и офицеров монархо-фашистской армии.

Американские наемники нагло заявляют, что предложение временного демократического правительства, выражающее волю широких слоев народа, есть признак «слабости». Но существует только одна слабость, которая принимается в расчет в политической жизни, слабость, которая неизлечима и которая заключается в том, что правительство не имеет поддержки народных масс. А такой слабости у нашего правительства, созданного народом, быть не может.

Афинские лаяки действуют по приказам своих американских хозяев. Вот почему они отказываются прекратить войну, которая так нужна империалистам. Они хотят превратить Грецию в плацдарм новой мировой войны. Но греческий народ полон решимости защищать свою независимость и дело всеобщего мира. Он не уступит, потому что борется за правые цели и на его стороне все прогрессивное человечество. Он борется за то, чтобы изгнать поджигателей войны из своей страны. И греческий народ победит!

Победа греческой демократии является в то же время победой мира и прогресса и приговором врагам человечества.

М. ЧИАУРЕЛИ, народный артист СССР

Поле битвы—Голливуд

О книге Г. Кана
«Голливуд перед судом»

В происходящей сейчас схватке между двумя лагерями — лагерем прогресса в США в качестве «ударного отряда» Уолл-стрит выступают гангстеры из пресловутой «Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», до сих пор возглавляемой проторопившимся сенатором Томасом и списавшей позорную и широкую известность далеко за пределами США.

Последним громким и шумевшим «делом» этой комиссии было расследование так называемого «коммунистического влияния» в Голливуде. По признанию самого мистера Томаса, в дальнейшем предстоит такие же палеты на литературу и театр, школу и профсоюзы.

За что же предстал Голливуд перед шельманным судом комиссии Томаса?

Перезомню — вышедшая в 1948 году книга американского журналиста и сценариста Гордона Кана. На ее страницах предстает перед читателем группа смелых и мужественных людей, талантливых писателей, сценаристов, режиссеров, отстаивающих свое право на независимость от реакционных «законодательств вкуса», на свободный творческий труд во имя прогресса и демократии. Десятилетиями прогрессивным деятелям Голливуда предвела комиссия обвинения в «антиамериканской деятельности». Десять из них предстали перед судьями на первом этапе следствия. Вот их имена: Альберт Мальц, Дэйл Трумбу, Джон Говард Лоусон, Сэмюэль Орини, Альва Бессен, Ринг Ларднер-младший, Лестер Коул, Адриан Скотт, Герберт Биберман, Эдуард Дмитрик.

Все они и в своей творческой практике и на процессе показали себя людьми твердых принципов, движимыми голосом совести и чувством ответственности перед своим народом. Какими ничтожными выглядели рядом с ними другие «деятели» Голливуда, вызванные комиссией в качестве «дружественных свидетелей», т. е. свидетелей обвинения. Продажные дельцы, бизнесмены от искусства готовы за солидный куш проповедовать любые идеи, в данный момент удобные их истинным хозяевам — дельцам Уолл-стрит. Эти духовно растрепанные рабы «золотого тельца» отчетливо продемонстрировали перед комиссией, что они готовы променять остатки чести и совести на жирные дивиденды.

Пред светлые очи комиссии Томаса — Ренкина были вызваны Уорнер — глава кинокорпорации «Братя Уорнер»; Майер — глава «Метро-Голдвин-Майер»; а также прославленные «звезды» кинофара, вроде Роберта Тейлора, Гарри Купера, Адольфа Менжу, Роберта Монтемери.

Мистер Уорнер охотно шел на удочку «наводящих вопросов» комиссии и по ее указке в самых безобидных фактах из творческой деятельности обвиняемых по-слуху обнаруживал наличие «опасных» тенденций. На всякий случай, в качестве веского довода в пользу «ложливости» его собственной фирмы мистер Уорнер сообщил, что последние успехи режиссера и актеры сейчас усердно трудятся над созданием очередного антикоммунистического фильма.

В свою очередь и мистер Майер, охотно дав все необходимые для комиссии показания, сообщил, что его студия уже вы-

Н. Cahn, "Hollywood on trial". Boni and Gaer, New-York, 1948.

пущала такие фильмы, как «Нюточка» и «Товарищ Х.», в которых «мы здорово расправились с коммунистами», а сейчас работает над картиной «Брасный Дунай».

Роберт Тейлор откровенно разъяснил, что ему не хотелось выступать в таком фильме, как «Неснь о России», но он согласился, «учитывая ситуацию, которая тогда существовала». Сейчас «ситуация» изменилась, и Тейлор готов сниматься в любом фильме, представляющем фашистские идеи мирового господства избравшей американской расы.

Комиссия Томаса нужно было во что бы то ни стало добыть доказательства наличия коммунистического влияния в американской киноиндустрии. И услужливые «дружественные свидетели» старались изо всех сил предоставить ей необходимые «материалы», отнюдь не брезгуя для этой цели самой нелепой и вздорной логикой или аргументами, поражающими своей уморительностью. Так, режиссер МакКри умышленно обнаружил влияние коммунистов в том, что в ряде фильмов «капиталисты и банкиры выволакиваются в качестве положительных героев». Слово «капиталист» Джонс и я не могу получить работу», вложенные Альбертом Мальцем в уста героя морских боев у Вальдкнарна в сценарии «Гордость флота», или слова героя сценария «Юмореска» Клиффорда Олеса: «Ваш отец банкир, а мой отец живет над бакалейной лавочкой», — были также благосклонно приняты членами комиссии в качестве положительной «антикоммунистической улик».

Незавира на все террористические усилия властей доллар и на угрозу безработицы, представители прогрессивного лагеря остались верны своим демократическим принципам и смело разоблачали истинную подоплеку этого очередного заговора американской реакции против прогресса и демократии.

Обращение членов комиссии о так называемых «дружественных свидетелях» явилось само по себе яркой иллюстрацией ко всему строю «демократии» в Голливуде, с новой силой подчеркнули, что процесс гонения хваленной американской «демократии» с каждым днем все усиливается и что правые круги США, ставшие на путь открытой агрессии и атомной дипломатии, все более и более открыто толкают страну на путь фашизма.

Нельзя поэтому считать случайным и то, что при обсуждении проекта декларации прав человека на последней сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций делегат США господа Элеопора Гуавель позволила себе поднять руку против включения в этот проект такую решающую пункту, как обеспечение права на труд.

И сожалее, что этот момент не был запечатлен скульптором. Фигуру делегата США Элеопора Рузвельта, господствующую высоко поднятой рукой против права каждого человека на труд, следовало бы установить рядом со статуей Свободы у входа в морские ворота Нью-Йорка.

Я думаю, что эти две статуи прекрестно дополняли бы друг друга в сегодняшней Америке Томаса и Даллеса...

Н. СОКОЛОВ

ЛИЦО и МАСКА

Органы правительственной пропаганды в Хельсинки выступили массовым тиражом голубые проспекты для ознакомления зарубежных читателей с Финляндией. И финские представители распространяют их не только на русском, но на французском или английском языках — в зависимости от того, в какой стране они находятся.

Некоторые места в русском издании не только не вызывают разочарования, а воспринимаются даже с удовлетворением. Так, например, на 1-й странице этого издания говорится, что Финляндия — «государство, стремящееся к содружеству со всеми миролюбивыми народами, в твердой уверенности, что только международное право и стремление к взаимопомощи могут обеспечить человечеству прочный мир».

Данное заявление служит доказательством того, что финские правящие круги намерены соблюдать заключенные договоры, в частности, с СССР, и в то же время поняли глубокое значение укрепления советско-финских отношений для общей борьбы против поджигателей войны.

На 3-й странице брошюры мы видим обращение к истории, которое гласит: «Первым государством, признавшим самостоятельность Финляндии, был Советский Союз», что свидетельствует о правильном понимании роли Великой Октябрьской революции в освобождении финского народа. Наконец, на 12-й странице упоминается о решении советского правительства от 3 июня 1948 года сократить оставшиеся с Финляндии. Это решение характеризуется, как великодушное, причем подчеркивается, что оно «существенно облегчит экономическое положение Финляндии».

Несмотря на несколько общих характер всех этих признаний и заявлений, они все же удовлетворяют искренних сторонников укрепления отношений между СССР и Финляндией. Было бы вместе с тем неплохо, говоря об уважении Финляндии «международного права», сослаться, скажем, на советско-финляндский договор о дружбе и взаимопомощи от 7 апреля 1948 года, о котором по странной забывчивости вообще не сказано ни одного слова во всей брошюре.

Но в общем и целом все эти пробы можно считать, ибо все, что способно хотя бы в самой незначительной степени способствовать взаимопомощи между народами, является положительным вкладом в великое дело мира. В особенности, если речь идет о таких двух народах, как советский и финский, которые решили отныне строить свои отношения на базе дружбы и взаимопомощи.

Совершенно случайно спустя несколько дней после ознакомления с брошюрой о Финляндии на русском языке я с изумлением прочел английское издание той же брошюры. Обложка была совершенно та же, рисунки те же, расположение глав абсолютно аналогичное. Казалось бы, здесь нет и не может быть ничего нового по сравнению с уже прочитанным мной русским изданием.

Действительно, на первый взгляд все было то же.

Однако при ближайшем рассмотрении оказалось, что сделанных в английском издании мнимых «исправлений» некоторых подробностей совершенно достаточно, чтобы придать русскому тексту прямо противоположный смысл.

На 1-й странице авторы уничтожили всякое упоминание о стремлении Финляндии к содружеству со всеми миролюбивыми народами, об уважении «международного права» и о желании «обеспечить человечеству прочный мир». Иначе говоря, обращаясь к людям, говорящим на английском языке, авторы внезапно «забыли» о договорных обязательствах, взятых их правительством во имя общей борьбы против поджигателей войны.

На 3-й странице фраза, гласящая, что СССР был первой страной, признавшей независимость Финляндии, просто-напросто исчезла. Иначе говоря, обращаясь к людям, говорящим по-английски, авторы одним росчерком пера удалили из текста все упоминание о положительных исторических факторах, связывающих Финляндию с ее великим восточным соседом.

На 12-й странице параграф, посвященный решению советского правительства о сокращении репараций, признанных к Финляндии, также «пропущен».

И не только это «пропущено» на 12-й странице.

В русском издании имеется следующая фраза: «Финляндия несет тяжелое экономическое бремя... военных возмещений в 300 миллионов долларов золотом, подлежащих выплате товарами в восьмилетний срок».

В английском издании вычеркнуто слово «товарами» и заменено словами «Советскому Союзу».

Итак, обращаясь к людям, говорящим на английском языке, авторы не удовлетворились тем, что обманли молчаливым великодушное решение правительства

была задумана лишь для введения в кинопромышленности «черных списков», при помощи которых можно было бы на «законном основании» отстранять от работы и преследовать прогрессивно мыслящих авторов и режиссеров.

Однако все эта бесстыдная кампания вызвала столь многочисленные протесты общественности, что комиссия Томаса была вынуждена временно прервать свою «экскурсию» над Голливудом. Прогрессивные элементы американского общества отержали крупную победу. Несмотря на это и на решительные возражения ряда прогрессивных депутатов, палата представителей США утвердила все же решение о передаче суду «недружественных свидетелей» по обвинению в «неуважении к конгрессу».

Уолл-стрит нажал пружину, — и палата послужила прологом. Уолл-стрит нажал пружину, — и капитальнее Голливуд немедленно согласился внести «черные списки» и лишить работы всех тех, кто даже только заподозрен комиссией в антиамериканской деятельности. Ибо, как указывает в книге Г. Кана, «подлинные хозяева кинопромышленности — это крупные банки, нефтяные, медные, резиновые и автомобильные концерны, с которыми связаны кинокомпании «Боулуоя», «Парамаунт», «ХХ век—Фокс», «Уорнер-бразерс» и др.». Кроме прайблэй, эти хозяева заинтересованы и в том, чтобы «использовать кинофильмы, как средство защиты своих привилегий и планов расширения рынков и как наркотики для отпугивания людей, которые в противном случае могли бы начать читать и думать».

Таким образом, американские кинодепелты, в свою очередь, перешли, по верному определению автора книги «Голливуд перед судом», в «бесслабное агрессивное наступление на все, чего ожидает народ от демократии».

В этом нет ничего удивительного или невозможного. Великий Ленин учит нас, что империализм с его господством монополий по самой своей сущности враждебен демократии: «...империализм есть «отрицание» демократии вообще...». Уроки недавних событий, разыгравшихся в Голливуде, с новой силой подчеркнули, что процесс гонения хваленной американской «демократии» с каждым днем все усиливается и что правые круги США, ставшие на путь открытой агрессии и атомной дипломатии, все более и более открыто толкают страну на путь фашизма.

Нельзя поэтому считать случайным и то, что при обсуждении проекта декларации прав человека на последней сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций делегат США господа Элеопора Гуавель позволила себе поднять руку против включения в этот проект такую решающую пункту, как обеспечение права на труд.

И сожалее, что этот момент не был запечатлен скульптором. Фигуру делегата США Элеопора Рузвельта, господствующую высоко поднятой рукой против права каждого человека на труд, следовало бы установить рядом со статуей Свободы у входа в морские ворота Нью-Йорка.

Я думаю, что эти две статуи прекрестно дополняли бы друг друга в сегодняшней Америке Томаса и Даллеса...

АНТОЛОГИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В США

«Русская литература после революции» — так озаглавлена вышедшая в США большая антология советской литературы, в которой на 900 с лишним страницах представлены отрывки из произведений 46 советских поэтов и писателей.

Литературный критик газеты «Нью-Йорк стар» пишет в своей рецензии: «Эта книга является незаменимым напоминанием о том, что в течение последних 30 лет литература в Советском Союзе переживает своеобразный социалистический ренессанс и заслуживает всяческого внимания и изучения, как весьма важный фактор, способствующий пониманию динамического развития советской жизни... В этой антологии можно найти образцы значительного и попросту блестящего литературного мастерства... Более того, она дает все растущему числу американцев, изучающих Советский Союз, богатейший материал, правильно отражающий отношение советского народа к политическому, экономическому и социальному развитию своей страны, отражает его радости и печали, чаяния и надежды».

ИЗ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ

Исправительный суд в Париже приговорил известного французского писателя Луи Арагона и штрафу в 10 тысяч франков за то, что он назвал командующего республиканской гвардией Бушардона «бывшим кагуляром».

КРАСНОРЕЧИВЫЕ ЦИФРЫ

Служащие министерств, а также персонал государственных и коммунальных предприятий безуспешно добиваются от де Гаспери пересмотра ставок зарплат в связи с непрерывно возрастающей стоимостью жизни. На одном из митингов, созванном в Риме в день односторонней забастовки протеста служащих, участники воздвигли плакат со следующей красноречивой надписью:

Правительство дает на содержание:
Собак 4500 лир
Кошек 3000 —
Наших детей 1820 —
Первые две цифры взяты из циркуляра министра внутренних дел Шельбы, устанавливающего месячную сумму органов полиции на содержание животных.
Плакат, разумеется, был поспешно конфискован полицией.

Рисунок для «Литературной газеты» итальянского художника ВЕРДИНИ.

МАРС: Вы ни к чему не способны! Вы смогли найти для меня в 1948 году деньги, оружие и генералов, но не сумели найти даже одного солдата, желающего воевать!